

ИСТОКИ СДЕРЖАННОСТИ НА ВОЙНЕ

В основу настоящего доклада легли материалы, собранные и обработанные независимыми исследователями по поручению Международного Комитета Красного Креста (МККК) с целью лучше понять внутренние механизмы вооруженных сил и вооруженных групп. Издание не содержит конфиденциальной информации, полученной в ходе оперативной деятельности МККК.

В главе 6 данного издания использованы значки из Библиотеки пиктограмм УКГВ ООН, адаптированные МККК для собственных целей, а также значки авторства Freepik с сайта www.flaticon.com

ИСТОКИ СДЕРЖАННОСТИ НА ВОЙНЕ

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Настоящий доклад составлен Фионой Терри и Брайаном Маккуинном на основе эмпирических исследований, которые провели Эндрю Белл, Франсиско Гутьеррес-Сантин, Иван Гишауа, Фердаус Булель, Оливер Каплан и Наоми Пендл. Беньямин Экштайн, Брайан Маккуинн и Фиона Терри координировали исследования на местах.

Со стороны МККК проект контролировал руководящий комитет, который возглавила Хелен Дарем, директор Управления по международному праву и гуманитарной политике. В комитет входили Кнут Дёрман, Майкл Дайнс, Луиджи Фратини, Пьер Жантиль, Ирене Эрбе, Доротея Кримицас и Хьюго Слим.

Протоколы исследований утверждались советом по этике, членами которого были Жиль Карбоннье, Клодия Симор и Хьюго Слим. Этическую проверку опроса австралийских военнослужащих осуществлял Комитет по этике министерства обороны и министерства по делам ветеранов Австралии. Особая благодарность — генерал-лейтенанту Ангусу Кемпбеллу за разрешение на проведение исследования.

Мы хотели бы поблагодарить за помощь, вклад в работу и вдохновение Элизабет-Джин Вуд, Хелен Кинселлу, Эву Свободу, Линдсей Камерон, Оливье Банжерте, Тину Буффе, Сару Грей, Сару Гейл, Кевина Майстера, Карса Азнавура, Эрику Поттс, Пола Бейкера, Пита Эванза, Фредерико Альмендру, Кена Хьюма, Эвекар Крус-Феррер, Паскаля Порше, Ленарда Блейзби, Стефани Ридделл, Наталию Уэллз, Кристофа Люэди, Кристофа Харниша, Франсуа Стамма, Беатрис Оксли, Дорсу Наземи-Салман, Ахмада ад-Давуди, Жана-Николя Марти, Аббаса Даияра, Ихсана Кьямуша, Николь Ван-Ройен, Сару Роксас, Николь Мартен-Мааг, Венсана Бернара, Тома Сен-Мориса, Антуана Грана, Кристину Грайзвуд, Кордулу Дрёге, AZM* и всех остальных, кто поддерживал этот проект по мере его осуществления.

В завершение, мы хотели бы поблагодарить Министерство международного развития Великобритании за вклад в финансирование исследования.

* Полное имя не может быть приведено по соображениям безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Краткий обзор	8
Введение.....	11
Глава 1: Нормы сдержанности, организационная структура и социализация	19
Глава 2: Интегрированные государственные вооруженные силы	31
Глава 3: Централизованные негосударственные вооруженные силы.....	41
Глава 4: Децентрализованные негосударственные вооруженные силы	51
Глава 5: Вооруженные группы, являющиеся частью общины	61
Глава 6: Выводы и рекомендации	71
Дополнительные материалы	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я с удовольствием представляю вам это новое исследование, посвященное сдержанности во время войны. Оно стало плодом междисциплинарного, межотраслевого партнерства между Международным Комитетом Красного Креста (МККК) и выдающимися учеными из самых разных стран мира. Для нас это важный шаг к тому, чтобы понять, какие факторы влияют на военнослужащих и членов вооруженных групп, когда речь идет о соблюдении принципов и норм международного гуманитарного права (МГП).

Как следует из его названия, доклад призван установить истоки сдержанности — факторы, которые побуждают вооруженных людей (к какому типу ни относились бы формирования, к которым они принадлежат) придерживаться определенных ограничений при применении силы и сохранять минимальную человечность даже в пылу боя. Наблюдения ученых за культурой и действиями двух государственных армий и ряда негосударственных вооруженных групп нескольких типов проливают свет на различные политические, морально-этические и социально-экономические причины, по которым разные стороны в конфликте ведут себя тем или иным образом. Ключевым фактором здесь является социализация: процесс, посредством которого нормы и правила обретают признание в обществе, после чего их начинают соблюдать и на поле боя.

МККК очень давно работает с государственными вооруженными силами и негосударственными вооруженными группами, стараясь обеспечить соблюдение норм ведения войны на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Мы по всему миру ведем диалог с теми, кто определяет политику, с теми, кто отдает приказы, с теми, кто сражается на передовой, и тем самым содействуем включению гуманитарных норм и МГП как в обучение, так и в процесс принятия решений.

Соответственно, МККК традиционно опирается на сложившиеся системы командования и управления, стремясь к тому, чтобы МГП ценилось и уважалось на всех иерархических уровнях, и каждое боевое подразделение обладало базовыми знаниями о правовых нормах. Это способствует принятию данных норм обществом, однако не в полной мере. Настоящее исследование показывает, что мы можем достичь лучшего результата, если поймем, как культура сдержанности распространяется в обществе — не только по иерархии сверху вниз, но и неформально по горизонтали. Таким образом, открываются новые пути, которыми можно добиться, чтобы основополагающие принципы МГП впитались в кровь и плоть всех военнослужащих вооруженных сил и членов вооруженных групп.

Для сегодняшних конфликтов характерно большое число вооруженных участников, чьи стремления и идеологии заметно различаются. Также все чаще проявляется тенденция к тому, чтобы вести вооруженные конфликты силами коалиций, когда несколько государств объединяются или государственные вооруженные силы сотрудничают с негосударственными вооруженными группами для достижения конкретной общей цели. В связи с этим для нас очень важно получить более четкое представление о многочисленных и многообразных способах, которыми такие силы и группы укрепляют уважение к гуманитарным нормам (и, следовательно, сдержанность) среди своего состава, а также о том, какие внешние факторы могут на это повлиять. Лучше понимая подобные процессы и факторы влияния, мы сможем эффективнее работать со всеми сторонами в вооруженном конфликте, чтобы обеспечить соответствующее принципам МГП гуманное обращение с

мирными гражданами, лицами, содержащимися под стражей, ранеными и всеми другими людьми, которые пользуются защитой норм ведения войны.

Я благодарю всех, кто принимал участие в опросах, координации работы и финансировании тех или иных исследований. Я рекомендую ознакомиться с результатами этой важной работы всем, кто стремится добиться большей сдержанности при ведении военных действий. Новые данные, полученные благодаря этому исследованию, имеют большое практическое значение для МККК и руководства вооруженных сил. Они помогут нам прояснить «истoki сдержанности» и тем самым, хотелось бы надеяться, оказать существенное воздействие на ведение многих сегодняшних затяжных вооруженных конфликтов.

*Профессор Жиль Карбоннье,
вице-президент
Международного Комитета Красного Креста*

КРАТКИЙ ОБЗОР

Наиболее авторитетная организация в области международного гуманитарного права (МГП) Международный Комитет Красного Креста (МККК) стремится обеспечить знание и соблюдение военнослужащими и членами вооруженных групп всего мира правовых норм, призванных сдерживать разрушительные силы вооруженного конфликта. Настоящий доклад представляет собой один из элементов деятельности, направленной на достижение этой цели.

Доклад, основанный на результатах научной работы, осуществлявшейся в течение двух лет группой выдающихся ученых, ставит своей целью выявление различных факторов, которые влияют на поведение вооруженных лиц в вооруженных силах и вооруженных группах различных типов. До сих пор МККК в своей работе в этой области уделял основное внимание государственным вооруженным силам и включению МГП в их руководящие документы, в повседневную подготовку военнослужащих и в дисциплинарные механизмы, созданные для обеспечения соблюдения норм. В центре его внимания были формальные нормы МГП.

МККК также работал со многими негосударственными вооруженными группами, которым он рекомендовал принимать кодексы поведения, чтобы привести деятельность их членов в соответствие с нормами МГП. Однако за последнее десятилетие характер вооруженных конфликтов изменился, и одним из основных изменений стал стремительный рост числа негосударственных вооруженных групп, не имеющих централизованной иерархической структуры, с помощью которой можно было бы информировать их участников о нормах МГП и проводить их обучение в этой области. В связи с этим потребовалось новое исследование как формальных, так и неформальных норм, обуславливающих поведение широкого круга вооруженных групп, с которыми МККК приходится иметь дело в своей работе, а также вопроса о том, как сотрудники МККК могут способствовать проявлению сдержанности членами этих групп.

В настоящем докладе используются результаты большого количества эмпирических исследований, авторы которых стараются объяснить поведение вооруженных групп. Особо следует отметить две константы: во-первых, существует большое разнообразие моделей применения силы и проявления сдержанности между вооруженными организациями и внутри них, а также убеждений, механизмов, ресурсов и людей, влияющих на их поведение; во-вторых, эти разнообразные модели могут меняться с течением времени. Поэтому доклад не формулирует новые инструкции, которыми МККК мог бы воспользоваться в своей работе с вооруженными силами и вооруженными группами, а предлагает аналитическую схему, которая поможет его сотрудникам определять тип вооруженной группы в зависимости от ее организационной структуры. Далее в докладе разъясняется, как нормы могут передаваться и приниматься в группах разного типа. Затем предлагаются подходы, которые можно с успехом адаптировать к каждой конкретной ситуации.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Интеграция права в руководящие документы, подготовку и механизмы соблюдения норм в вооруженных силах и вооруженных группах, имеющих централизованную структуру, повышает уровень сдержанности на поле боя. Интенсивность подготовки и методы обучения нормам имеют значение, а приверженность им лучше всего проверяется под давлением.
2. Сосредоточенность исключительно на праве не так эффективно влияет на поведение, как обращение одновременно к праву и к лежащим в его основе ценностям. Нахождение общих элементов в праве, с одной стороны, и местных нормах и ценностях, с другой, усиливает воздействие права. Роль права в установлении стандартов жизненно важна, но более прочных результатов в обеспечении сдержанности можно добиться посредством социализации и помощи в принятии и усвоении людьми лежащих в их основе ценностей.
3. Понимание структуры вооруженных групп — первый шаг к выявлению возможных факторов влияния на их поведение. Чем более децентрализована вооруженная группа, тем более сильными для нее являются внешние факторы влияния.
4. Сосредоточиваясь на сдержанности, а не только на применении силы, мы лучше понимаем, кто или что влияет на поведение. Анализ моделей насилия может помочь точно установить случаи, в которых проявляется сдержанность.
5. Большое число уже действующих и будущих бойцов составляет молодежь. Существенно важно находить новаторские и адаптированные к местным условиям способы утверждения в их среде норм гуманности, в том числе с использованием электронных ресурсов.
6. На поведение вооруженных сил и вооруженных групп могут оказывать воздействие внешние силы. Криминализация взаимодействия гуманитарных организаций и местных сообществ с вооруженными группами дает эффект, обратный желаемому, и мешает работе по обеспечению более строгого соблюдения гуманитарных норм.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание, в основе которого лежит двухлетняя исследовательская работа группы выдающихся ученых, представляет собой новую версию исследования МККК 2004 г. «Истоки поведения человека на войне»¹. В первоначальном исследовании рассматривались социально-психологические процессы, которые обуславливают поведение военнослужащих и членов вооруженных групп во время вооруженных конфликтов, а также была сделана попытка определить, каким образом МККК мог бы убедить их в необходимости соблюдать нормы ведения войны, содержащиеся в четырех Женевских конвенциях 1949 г. и других документах в области международного гуманитарного права (МГП).

Результаты этого исследования заставили МККК значительно изменить свою стратегию. Организация перестала сосредотачиваться исключительно на распространении знаний и информации о правовых нормах и начала прилагать больше усилий к тому, чтобы обеспечить включение правовой базы во внутренние механизмы вооруженных сил и вооруженных групп. Признавая важность группового конформизма² и подчинения авторитету³ в изменении поведения людей, авторы исследования рекомендовали МККК подталкивать вооруженные силы к тому, чтобы включать нормы МГП в их руководящие документы и систему подготовки, а также применять санкции за нарушения права. Другими словами, роль МККК состояла в том, чтобы убедить вооруженные силы отдать четкий приказ о соблюдении МГП входящими в них военнослужащими, а также предоставить им рекомендации и помощь в разработке соответствующих учебных программ и механизмов, обеспечивающих выполнение этого приказа. В первоначальном исследовании МККК также рекомендовалось подходить к обучению МГП как к правовому и политическому, а не нравственному вопросу: уделять основное внимание правовым нормам, а не ценностям, лежащим в их основе, поскольку было замечено, что последние меняются в зависимости от причин, которые привели к конфликту, и способов его ведения. В результате были разработаны стратегии, получившие название «интегрированного подхода». Именно ими МККК стал руководствоваться, пытаясь добиться соблюдения МГП широким кругом вооруженных сил и вооруженных групп.

Лишь немногим более десятилетия спустя настоящий доклад вновь обращается к некоторым выводам первого исследования, рассматривая их в свете изменений, произошедших в характере конфликтов и вооруженных групп за эти годы. Кроме того, его авторы воспользовались растущим вниманием в научных и политических кругах к вопросу о поведении вооруженных групп⁴.

1 Муньос-Рохас, Даниель и Фрезар, Жан-Жак. Истоки поведения человека на войне. Проанализировать и предупредить нарушения МГП. МККК, 2005.

2 Dave Grossman, *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*, Little, Brown and Company, New York, 1995, updated 2009; Christopher R. Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*, HarperCollins, New York, 1992.

3 Со ссылкой на основополагающий труд, опубликованный в 1974 г., см.: Милгрэм, Стэнли. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

4 См., например: Hyeran Jo, *Compliant Rebels: Rebel Groups and International Law in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015; *Humanitarian Exchange*, No. 58, July 2013, special issue on humanitarian negotiations; Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, *Reaction to Norms: Armed Groups and the Protection of Civilians*, Policy Briefing No. 1, Geneva, January 2014; and Geneva Call, "Exploring Criteria & Conditions for Engaging Armed Non-State Actors to Respect Humanitarian Law & Human Rights Law", Conference Report, Geneva, 4-5 June 2007.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Это новое исследование ставит перед собой две основные цели. Во-первых, оно призвано углубить понимание МККК некоторых влияющих на поведение людей процессов и механизмов, которые были выявлены в более раннем исследовании, чтобы определить самые эффективные из них. Особый интерес представляют вопросы о том, как воздействует на поведение обучение нормам МГП и какие педагогические приемы считают наиболее эффективными сами военнослужащие. «Интегрированный подход» дает возможность оценить, какой из аспектов — знание правовых норм, обучение в области права или угроза наказания по закону — в большей степени воздействует на поведение и каково это воздействие в сравнении с влиянием неформальных норм, особенно группового конформизма.

Во-вторых, это исследование охватило также появившиеся в последние годы и становящиеся все более многочисленными негосударственные вооруженные группы, которые не обладают вертикальной иерархической структурой, необходимой для применения «интегрированного подхода». Как нам убедить принять нормы сдержанности членов этих горизонтально организованных вооруженных групп? Действительно ли они столь раздроблены и бесструктурны, как их часто изображают, или все же существуют четкие факторы, влияющие на их поведение? В последнем случае — как нам определить эти факторы влияния и попытаться воздействовать на них?

Доклад помещает вопрос поведения вооруженных групп в более широкий контекст сегодняшней политической обстановки и освещает некоторые серьезные проблемы, которые встают сейчас на пути обеспечения безопасности гражданского населения во время вооруженных конфликтов. В нем кратко объясняется выбранный авторами методологический подход. В первой главе описано, что мы понимаем под нормами сдержанности, почему важна организационная структура и как нормы прививаются военнослужащим и членам вооруженных групп посредством процесса социализации. В главах со второй по пятую представлены результаты эмпирических исследований, проведенных среди вооруженных образований четырех типов: в каждом из них были изучены факторы, влияющие на развитие норм сдержанности. Шестая глава обобщает выводы, в наибольшей степени применимые в работе гуманитарных организаций, и предлагает схему для анализа переменных, которые следует учитывать тем, кто хочет повлиять на поведение военнослужащих и членов вооруженных групп.

ВСЕ БОЛЬШЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ, ВСЕ БОЛЬШЕ ВООРУЖЕННЫХ ГРУПП

Наметившиеся в последнее десятилетие значимые новые тенденции ставят перед гуманитарными организациями сложные задачи. Начнем с того, что за последние 15 лет количество вооруженных конфликтов значительно возросло по всему миру. Если опираться на правовую классификацию МККК, количество не-международных вооруженных конфликтов увеличилось более чем в два раза за период с 2001 г. (<30) по 2016 г. (>70).

Количество немеждународных вооруженных конфликтов увеличилось более чем в два раза за период с 2001 г. по 2016 г.

Число сторон в каждом из этих конфликтов также резко увеличилось. По данным МККК сегодня лишь треть конфликтов ведется между двумя сторонами: в 44 % конфликтов участвуют от трех до девяти противоборствующих сторон, в 22 % конфликтов воюет более десяти сторон. В некоторых конфликтах сотни участников: к концу войны в Ливии (октябрь 2011 г.) в одном лишь городе Мисурата было зафиксировано 236 отдельных вооруженных групп⁵; в 2014 г. «Центр Картера» насчитал более 1000 вооруженных групп, воевавших в Сирии⁶. Уже одно их количество мешает понять эти вооруженные группы и вступить с ними в диалог.

Кроме того, крайние формы насилия ставят под угрозу успехи, которых удалось добиться в деле достижения большей сдержанности среди участников войны. Унижения, проявления (в том числе, кажущейся) несправедливости и коррупция толкают все новых и новых рекрутов в объятия самопровозглашенных сил джихада⁷. Такие группировки во множестве появляются и распространяются по всему Ближнему Востоку, Африке и Азии, чему способствует, среди прочего, стремительное развитие дешевых телекоммуникационных технологий и социальных сетей. В 2017 г. около 40 % государств, где идут вооруженные конфликты, противостояли джихадистским группировкам, и иностранное вмешательство в подавляющем большинстве случаев было направлено против вооруженных групп, целью которых является джихад. Жестокое и временами неизбирательное насилие, к которому прибегают некоторые джихадистские группировки, побудило многие государства ввести в действие суровые законы о борьбе с терроризмом, угрожающие подорвать те самые свободы, которые эти государства, по их утверждению, защищают. Высказывания ряда политических лидеров о том, что они скорее предпочли бы видеть боевиков группировки «Исламское государство» убитыми, чем задержанными или осужденными, представляют собой резкое отступление от давно устоявшихся норм международного права, касающихся обращения с захваченными или сдавшимися участниками боевых действий⁸.

Вооруженные конфликты все чаще ведутся в городах. Следствием этого становится огромное число жертв среди гражданского населения и разрушение важнейших объектов инфраструктуры.

⁵ Brian McQuinn, *After the Fall: Libya's Evolving Armed Groups*, Small Arms Survey, Geneva, 2012, p. 13.

⁶ Carter Center, *Syria: Countrywide Conflict Report No. 5*, Carter Center, Atlanta, February 2015.

⁷ См. труды Скотта Атрона, который занимается обширными исследованиями факторов, приводящих новых членов в эти группы. См. также дискуссию между Оливье Руа и Жилем Кепелем о том, свидетельствует рост джихадизма об исламизации радикализма или же о радикализации ислама. Краткий обзор можно найти в: Adam Nossiter, "‘That Ignoramus’: 2 French Scholars of Radical Islam Turn Bitter Rivals", *The New York Times*, 12 July 2016.

⁸ See Anne Barnard, "Red Cross warns of ‘dehumanizing’ rhetoric in ISIS fight", *New York Times*, 26 October 2017. Unfortunately such statements persist; see Jessica Elgot: "British Isis fighters should be hunted down and killed, says defence secretary", *The Guardian*, 8 December 2017.

Вооруженные конфликты все чаще ведутся в городах. Следствием этого становится огромное число жертв среди гражданского населения и разрушение важнейших объектов инфраструктуры, таких как сети электроснабжения и водочистные сооружения. Взаимосвязанность объектов инфраструктуры означает, что потеря одной такой службы запустит цепную реакцию, которая затронет все прочие службы и помешает устранять причиненный ущерб⁹. Применение оружия взрывного действия с большим радиусом поражения чаще носит неизбирательный характер, когда происходит в густонаселенных районах, и для гражданского населения это имеет катастрофические последствия, как мы видели в Алеппо, Мосуле и Ракке.

Наконец, некоторые могущественные державы все чаще предпочитают вести войну с помощью «посредников» — будь то люди или машины¹⁰ — чтобы дистанцироваться от поля боя и уменьшить внутригосударственные потери, которыми им пришлось бы заплатить за прямое вмешательство. Речь может идти о материально-техническом обеспечении, обучении, консультировании воюющих сторон, о предоставлении им разведданных, авиационной поддержки или иной помощи. Хотя обычно такую поддержку получают государственные вооруженные силы, она может быть оказана и частным военным компаниям, негосударственным вооруженным группам, ополчениям и отрядам гражданской самообороны, действующим по приказу государства. Еще большему дистанцированию способствует участвовавшее применение кибероружия и технологий дистанционного управления (например, разведывательных и боевых беспилотных летательных аппаратов), а также развитие автономных систем вооружений. Использование таких «посредников» (людей и машин) можно считать попыткой размыть ответственность за действия на поле боя, ведь государства-спонсоры отказываются отвечать за поведение своих партнеров (несмотря на то, что на них лежит юридическая обязанность обеспечивать соблюдение МГП). К тому же, благодаря подобной «опосредованной» войне и удаленности операторов БПЛА от их целей гораздо легче перестать видеть во врагах людей. Как писал недавно Алекс Леверингхаус в блоге Международного журнала Красного Креста: «вместо того чтобы положить начало эре более гуманной войны, внедрение новых технологий ведения боя, позволяющих делать это на расстоянии, на самом деле может подорвать неформальные нормы, ограничивающие насилие»¹¹.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование проводилось с целью определить факторы, влияющие на развитие норм сдержанности в вооруженных образованиях четырех типов: двух — с централизованной организационной структурой и двух — с менее выраженной иерархической структурой, организованной в большей степени по горизонтали. В каждой категории для исследования были выбраны два вооруженных образования (в общей сложности восемь объектов). Группы и силы, о которых идет речь, необязательно являлись сторонами в вооруженном конфликте, если квалифицировать их согласно МГП.

⁹ ICRC, *Urban Services during Protracted Armed Conflict: A Call for a Better Approach to Assisting Affected People*, ICRC, Geneva, 2015.

¹⁰ Andreas Krieg and Jean-Marc Rickli, “Surrogate warfare: The art of war in the 21st century?”, *Defence Studies*, January 2018, pp. 113–130.

¹¹ Alex Leveringhaus, “Autonomous weapons mini-series: Distance, weapons technology and humanity in armed conflict”, *Humanitarian Law & Policy* (blog), 6 October 2017.

Глава 2 обобщает количественные и качественные исследования, проведенные Эндрю Беллом путем опроса 409 военнослужащих армии Австралии и 1030 военнослужащих армии Филиппин. С помощью интервью и экспериментальных исследований с использованием гипотетических ситуаций удалось вычленить относительную значимость различных источников влияния на взгляды комбатантов. В ходе исследования вопросы о МГП, применимых в бою моральных принципах и обращении с гражданскими лицами во время конфликта, впервые задавали военнослужащим, находящимся на действительной службе в государственных вооруженных силах, что дало уникальную возможность взглянуть на механизмы социализации в государственных вооруженных силах.

Глава 3 представляет результаты исследований моделей применения силы и проявления сдержанности в Революционных вооруженных силах Колумбии — Армии народа (РВСК-АН) и Армии национального освобождения (АНО), которые проводились в Колумбии под руководством Франсиско Гутьерреса-Санина. Опираясь на обширный массив информации из базы данных «Единый реестр пострадавших», в которой зафиксированы случаи насилия над гражданскими лицами¹², а также на дополнительные 115 интервью с бывшими и действующими комбатантами, с пострадавшими и представителями общественных организаций, исследование проливает свет на роль структуры и идеологии вооруженной группы в поведении ее членов.

В главе 4 изучены факторы, оказывавшие влияние на две джихадистские группировки на севере Мали: группировку «Ансар-ад-Дин», которая действует в области Кидаль, и Движение за единобожие и джихад в Западной Африке (ДЕД-ЗА, область Гао). Иван Гишауа и Фердаус Булель изучили изменения в поведении этих двух групп и источниках влияния на них с того момента, когда они боролись за власть, и до того времени, когда они получили ее в соответствующих регионах. Источниками данных стали речи и радиопередачи, официальные документы и заявления, сделанные группами, а также интервью с людьми близкими к группам и с теми, кто лично наблюдал за их действиями.

Наконец, глава 5 посвящена вооруженным скотоводческим группам гелвенгов, титвенгов и годжамов в Южном Судане, принадлежащим, соответственно, к юго-западным (бывшая Озерная провинция) и северо-западным (бывшая провинция Вараб) общинам народа динка и к западным (бывшая провинция Западный Верхний Нил) общинам народа нуэр. Научная работа, которая проводилась с июля 2016 г. по август 2017 г. под руководством Наоми Пендл, опиралась на этнографические исследования, которые она и ее коллеги предприняли в этой стране в 2009–2015 гг. Источником информации стали интервью со скотоводами и их семьями, с племенными вождями, политиками, духовными лидерами и членами общин. Кроме того, были проанализированы статьи в прессе и содержание песен, которые поют скотоводы.

¹² <https://www.unidadvictimas.gov.co/>.

НОРМЫ СДЕРЖАННОСТИ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В этой главе рассмотрено, что мы понимаем под нормами сдержанности, почему важна организационная структура и как нормы прививаются военнослужащим и членам вооруженных групп посредством процесса социализации.

1. НОРМЫ СДЕРЖАННОСТИ

В настоящем исследовании изучается сдержанность, под которой здесь понимается поведение, указывающее на осознанные действия, имеющие своей целью ограничить применение насилия. Большинство ученых, исследующих вооруженные конфликты, и такие организации, как МККК, склонны сосредоточиваться на том, чтобы зафиксировать и понять случаи применения вооруженными людьми избыточного насилия, особенно когда речь идет о нарушениях МГП¹³. К наиболее распространенным нарушениям, свидетелями которых мы становимся сегодня, относятся нападения на тех, кто не является комбатантом, несоразмерные нападения, применение оружия неизбирательного действия, принудительное перемещение, сексуальное насилие и нападения на медицинские учреждения и медработников. Однако за последнее десятилетие работа нескольких ученых, упомянутых ниже, показала, что полезно расширить рамки изучения данного вопроса, включив в них проявления или модели сдержанности. Снижение частоты или изменение типа насилия, направленного против гражданского населения в конкретном конфликте, или же проявление уважения к символу, зданию или лицу, которые находятся под защитой МГП, но прежде таким уважением не пользовались, могут пролить свет на истоки подобной сдержанности и ранее неизвестные факторы влияния на поведение. Они также могут показать, в какой степени командиры контролируют ситуацию, если их подчиненные выказывают сдержанность в одном случае, однако не делают этого в другом. Одним из таких примеров служит то, что произошло с больницей города Кодок в 2017 г. (см. врезку).

Этот случай демонстрирует, что командиры в Южном Судане контролируют интенсивность насилия и выбор объектов, против которых оно направлено, в большей степени, чем иногда утверждается, и теоретически могут сыграть более серьезную роль в предотвращении нарушений.

К концепции сдержанности можно приходить различными путями¹⁴. Анализируя причины, по которым насилие переросло в геноцид в Руанде, но не в Кот-д'Ивуаре, Скотт Страус определяет источники деэскалации и сдержанности¹⁵. Сравнивая модели насилия в израильско-палестинском конфликте в исторической перспективе, Джеймс Рон выдвигает понятие, как он это называет, «дикарской сдержанности», подразумевая под ним худшее, что могло произойти с учетом прошлого опыта, однако не произошло¹⁶. Элизабет Вуд же изучает, почему боевики движения «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) в Шри-Ланке, применяя множество крайних форм насилия против гражданского населения, тем не менее редко прибегали к сексуальному наси-

13 См., например: Stathis N. Kalyvas, *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006; Hugo Slim, *Killing Civilians: Method, Madness and Morality in War*, Columbia University Press, New York, 2008, reprinted 2010; Benjamin A. Valentino, "Why we kill: The political science of political violence against civilians", *Annual Review of Political Science*, Vol. 17, May 2014, pp. 89–103.

14 Мы благодарны Франсиско Гутьерресу-Санину за содержательное обсуждение этого вопроса.

15 Scott Straus, "Retreating from the brink: Theorizing mass violence and the dynamics of restraint", *Perspectives on Politics*, Vol. 10, No. 2, June 2012, pp. 343–362.

16 James Ron, "Savage restraint: Israel, Palestine and the dialectics of legal repression", *Social Problems*, Vol. 47, No. 4, November 2000, pp. 445–472.

Больница города Кодок: пример сдержанности

В ходе трехдневных столкновений между вооруженными формированиями в Кодоке (Южный Судан) в апреле 2017 г. был разграблен весь город за исключением больницы. Это проявление сдержанности заметно выделяется на фоне разграбления и разрушения медицинских учреждений, характерных для конфликта, от которого страна страдает последние четыре года. Получив от всех сторон сообщения о том, что бои, вероятно, дойдут до города, сотрудники МККК эвакуировали из больницы персонал и пациентов, заперев деревянные двери на замок. К своему удивлению, по возвращении они обнаружили, что разграблена была лишь территория вокруг больницы. Замки на дверях остались на месте.

Это проявление сдержанности позволило МККК проанализировать факторы, которые могли повлиять на ситуацию. Организация в режиме реального времени направляла сообщения контактным лицам, принадлежавшим к разным уровням структуры командования каждой стороны, указывая, что «необходимо уважать медицинский персонал и медицинские учреждения в Кодоке, чего бы это ни стоило». Конкретная просьба пощадить больницу Кодока прозвучала в рамках более широкого и начавшегося задолго до этих событий диалога о важности соблюдения гуманитарных норм, который МККК вел с вооруженными силами и вооруженными группами в стране на самых разных уровнях.

МККК получил предварительное уведомление о необходимости эвакуировать людей из города — это свидетельствует о том, что ему удалось построить доверительные отношения со всеми сторонами. Несмотря на это, база МККК в Кодоке была разграблена, и тот же самый подход не смог предотвратить нападения на больницы в других местах, так что можно предположить, что здесь были задействованы иные факторы. Дальнейший анализ позволил сделать вывод, что одним из важных соображений, которыми был продиктован приказ пощадить больницу, стало желание удержать на месте население.

лию¹⁷. В каждом из исследований сдержанность измеряют по-разному: путем сравнения со сходными случаями, с действиями в прошлом или с другими формами насилия.

Для целей настоящего доклада сдержанность измеряется по стандартам, заданным МГП. Сравнение вооруженных групп, действующих в одной и той же ситуации, и моделей насилия в исторической перспективе также помогает отслеживать изменения к лучшему в обращении с гражданскими лицами. Подлинную сдержанность не следует путать с механической сдержанностью, вызванной обстоятельствами (к примеру, нападения могут сократиться из-за массового дезертирства боевиков, перебоев в поставках оружия или сезонных изменений погоды). Кроме того, при сравнении моделей насилия и сдержанности в различных вооруженных группах необходимо принимать во внимание разницу в их размерах, возможностях и местных условиях.

17 Elisabeth J. Wood, "Armed groups and sexual violence: When is wartime rape rare?", *Politics & Society*, Vol. 37, No. 1, March 2009, pp. 131–161.

Хотя в настоящем докладе критерием сдержанности выступают нормы МГП, в случае военных действий против повстанческих движений возникает более жесткая форма сдержанности, известная как «бесстрашная сдержанность». Таким образом признается, что, пусть даже МГП допускает некоторое число жертв среди гражданского населения, гибель мирных жителей может вступить в противоречие с самой целью военной операции и усилить поддержку повстанцев со стороны населения. Эмпирические данные, полученные в Афганистане, подтверждают это предположение, указывая на то, что вред, причиненный гражданскому населению Международными силами содействия безопасности (МССБ), усиливал поддержку «Талибана», тогда как ущерб, причиненный «Талибаном», не приводил к большей поддержке МССБ¹⁸.

Выявить подлинную сдержанность непросто, поскольку, по сути, ее демонстрирует отсутствие действия: что-то, что могло случиться, но не случилось. Франсиско Гутьеррес-Санин и Элизабет Вуд разработали схему воссоздания моделей насилия, которая может в этом помочь¹⁹.

МОДЕЛИ НАСИЛИЯ

Фиксирование и анализ моделей насилия во время вооруженного конфликта могут помочь лучше понять это насилие и выявить примеры сдержанности. Модель насилия включает в себя «репертуар» (т. е. регулярно применяемый тип насилия, например, убийства или принудительное перемещение) и для каждого наблюдаемого типа действий — их объект (против кого они направлены), частоту (как часто) и используемые способы или методы (скажем, убийство с помощью мачете или поджог домов, чтобы выгнать из них жителей). К примеру, когда группировка «Исламское государство» заняла часть северного Ирака, ее репертуар насилия включал в себя сексуальное насилие (тип) против езидских женщин и девочек (объект), многократно (частота), с использованием сексуального рабства (способ)²⁰. Целостную модель можно разбить на субмодели по сочетанию двух переменных, например, частоты и объекта или типа и способа: это даст представление о скрытых деталях в идеологии группы или причинах, по которым она прибегает к насилию.

Анализ моделей насилия полезен для работы МККК на местах по трем причинам. Во-первых, он указывает на изменения в поведении вооруженной группы с течением времени. Это может помочь точно установить периоды, когда репертуар или выбор объектов насилия сузился или же насилие в целом стало меньше применяться. Это, в свою очередь, позволяет нам задним числом проанализировать возможные причины изменения поведения и факторы, которые могли на него повлиять. В какой-то момент во время конфликта в Колумбии, к примеру, АНО прекратила взрывать нефтепроводы под давлением защитников окружающей среды, о которых при обычных обстоятельствах МККК и не вспоминал бы, составляя перечень «агентов влияния».

Отслеживание трансформации моделей насилия вооруженной группы на протяжении некоторого времени может также помочь предсказать периоды насилия и

18 Jason Lyall, Graeme Blair and Kosuke Imai, "Explaining support for combatants during wartime: A survey experiment in Afghanistan", *American Political Science Review*, Vol. 107, No. 4, November 2013, pp. 679–705.

19 Francisco Gutiérrez Sanín and Elisabeth J. Wood, "What should we mean by 'pattern of political violence'? Repertoire, targeting, frequency, and technique", *Perspectives on Politics*, Vol. 15, No. 1, March 2017, pp. 20–41.

20 Mara Revkin and Elisabeth J. Wood, "The Islamic State's pattern of violence: Ideology and institutions, policies and practices", San Francisco, 31 August–3 September 2017 (доклад, представленный на ежегодном заседании Американской ассоциации политологии).

сдержанности. Задокументировав насилие, к которому прибегала Господня армия сопротивления в 1994–2003 гг., Джессика Стантон показала, что эта группировка проявляла большую сдержанность во время мирных переговоров с правительством Уганды, однако с новым пылом возвращалась к прежнему каждый раз, когда одна из семи попыток урегулирования проваливалась²¹. Способность предсказывать периоды насилия и сдержанности может лечь в основу деятельности по предотвращению насилия и устранению его последствий.

Четкий анализ моделей насилия, к которому прибегает вооруженная организация, делает более убедительными доводы МККК в разговоре с ее руководством (при условии, что такой разговор возможен). Например, в диалоге с Обществом приверженцев распространения учения Пророка и джихада (известным также под названием «Боко Харам») МККК смог бы продемонстрировать изменение тактики группировки в период между 2009 и 2016 гг.: первоначально ее нападения были направлены исключительно против военных целей, однако затем они все чаще стали затрагивать лиц, не принадлежащих к силам безопасности (см. рис. 1).

Рис. 1. Объекты, против которых применяла насилие группировка «Боко Харам», 2009–2016 гг.²²

Во-вторых, анализ моделей насилия позволяет нам сравнивать группы, действующие в одной и той же ситуации, помогая нам глубже понять механизмы и факторы, влияющие на поведение вооруженных групп. Сравнение моделей насилия двух исламистских группировок, контролировавших определенные районы Мали (см. главу 4), показывает, что, хотя они и придерживались одной и той же исламской доктрины, одна из них обладала гораздо более широким репертуаром насилия, чем другая, включая использование террористов-смертников, похищения иностранцев и нападения на другие негосударственные группы и государственные структуры.

В-третьих, анализ моделей насилия на уровне отдельных подразделений в составе вооруженных сил или вооруженной группы позволяет нам провести различие между насилием, которое представляет собой осуществляемую в приказном порядке «стратегию», и насилием, которое допускают, но не предписывают (Вуд называет это «практикуемыми действиями»)²³. Это важное разли-

²¹ Jessica A. Stanton, *Violence and Restraint in Civil War: Civilian Targeting in the Shadow of International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016, p. 261.

²² Мы благодарим Натаниела Аллена, который проанализировал данные, полученные в рамках проекта «Социальное насилие в Нигерии» Школы передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса.

²³ Elisabeth J. Wood, "Rape as a practice of war: Towards a typology of political violence", *Politics and Society* (готовится к печати); Amelia Hoover Green, "The commander's dilemma: Creating and controlling armed group violence", *Journal of Peace Research*, Vol. 53, No. 5, September 2016, pp. 619–632.

чие дает МККК возможность осуществлять вмешательство на соответствующем уровне командования. Как становится ясно из главы 3, в тех случаях, когда подразделения вооруженных групп прибегают к ситуативному насилию, не санкционированному их руководством, вмешиваться лучше на уровне командиров этих и более крупных подразделений.

Измерение влияния социальных сетей

При составлении настоящего доклада мы проверили, можно ли использовать большие данные, полученные из социальных сетей, чтобы выявить тех, кто обладает влиянием. Для этого мы проанализировали содержание ряда постов и то, насколько широко ими делятся читатели.

Исследование проводилось в Твиттере с использованием ключевых слов в конкретные промежутки времени. Его целью было найти ссылки на «фетву о сдержанности», выпущенную аятоллой ас-Систани в начале 2015 г., когда силы народного ополчения, сражавшиеся с группировкой «Исламское государство» в Мосуле, начали обвинять в злоупотреблениях. Ас-Систани внес решающий вклад в мобилизацию ополчения. В его «Советах и указаниях бойцам на поле боя» указаны деяния, которые запрещены согласно исламскому праву и традиции, и которые в большинстве своем совпадают с важнейшими элементами МГП, включая уважение к некомбатантам и неприкосновенность тел погибших.

Аятолла ас-Систани — самый влиятельный духовный лидер шиитов в Ираке, однако значимость его «фетвы о сдержанности» не отражена в доступном нам контенте социальных сетей. Этот результат говорит о том, что в данном случае социальные сети не слишком полезны для измерения влияния.

2. ПОЧЕМУ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА?

Организационная структура вооруженной группы — важный фактор, определяющий ее поведение. Эта структура формируется несколькими факторами, среди которых идеология и доктрина, предпочтения руководства, стратегии вербовки новых членов, источники финансирования, история группы и уже существующая система социальных взаимоотношений. На формирование структуры также воздействуют внешние обстоятельства, такие как мощь противника и эффективность его действий, топография местности, на которой действует группа, и, самое главное, внешняя политическая или военная поддержка. Организация вооруженных групп, которым разрешили укрыться в соседней стране, может полностью отличаться от организации тех, кому в таком убежище отказали.

Несмотря на эти различия, вооруженная группа должна соответствовать ряду базовых критериев, если хочет просуществовать дольше нескольких месяцев. К таким критериям относятся: а) надежные бойцы (что предполагает вербовку), б) регулярные поставки продовольствия и боеприпасов (для чего нужны деньги и организация снабжения) и с) контроль над членами группы, чтобы они выполняли указания и не выступили против собственных командиров (что тре-

бует военной дисциплины и (или) преданности группе). То, как группа решает эти задачи, определяет ее структуру: от централизованных иерархических образований со строгой вертикальной дисциплиной до групп, столь децентрализованных, что между вспышками насилия они продолжают играть определенную роль в своих общинах. От структуры группы зависит ее боевой потенциал, тип контроля, которым обладают командиры, и то, каким образом комбатанты учатся отличать благородное поведение от бесчестного. Хотя структура группы формируется под воздействием многих факторов, главными из них являются те, которые касаются удовлетворения трех основных потребностей: в новых членах, ресурсах и контроле.

Вербовка новых членов и внушение им групповых норм — важнейшее условие выживания группы. Люди вступают в вооруженные группы по самым разным причинам, однако, как показывают изыскания Джереми Уайнстена, от доступа к ресурсам в значительной степени зависит то, каких новобранцев привлекает конкретная вооруженная группа, а это, в свою очередь, определяет отношения между членами группы и населением²⁴. Такие ресурсы, как алмазы или колтан, привлекают беспринципных корыстолюбцев, которые не нуждаются в поддержке населения и поэтому обращаются с местными жителями более жестоко. Напротив, в ситуациях, где ресурсов мало, вооруженные формирования опираются на местное население, что побуждает их вести себя лучше.

Поддержание существования вооруженной группы обходится дорого — порой в миллионы долларов в год²⁵. Чтобы воспользоваться тем или иным источником дохода, группе необходимо организовать определенным образом. Это сказывается на том, каким именно типом контроля пользуются командиры, и на склонности группы к насилию. К примеру, чтобы добывать алмазы в Сьерра-Леоне, Объединенный революционный фронт (ОРФ) нуждался лишь в нескольких сотнях боевиков и контроле над некоторым количеством копеек. Для этого требовалась крайне милитаризованная и агрессивная группа (чтобы охранять копи) с минимумом иерархических уровней для надзора за работой (чтобы предотвратить кражу алмазов). Маоистские повстанцы в Непале, одной из беднейших и самых труднодоступных стран мира, напротив, получали доход, облагая налогами местное население и предприятия. Для этого нужна была крупная организация с жесткой дисциплиной. В отличие от ОРФ, маоисты славились своей дисциплиной и соблюдением кодекса поведения. В обоих случаях следование определенной стратегии получения ресурсов повлияло на структуру группы и ее склонность к насилию или сдержанности.

Сохранение контроля или поддержание верности бойцов также является ключевым моментом и для выживания, и для обеспечения боевой эффективности²⁶. Вооруженные организации строятся вокруг групп размером около роты (до 150 человек). Общий боевой опыт объединяет членов этих групп, создавая узы, которые могут быть прочнее семейных. В случае децентрализованных групп подобная сплоченность — главное, что держит вместе каждое подразделение. Взаимосвязи же между подразделениями устанавливаются командирами, что позволяет каждому подразделению сохранять сплоченность при изменении альянсов между ними. Централизованные военные структуры дости-

24. Jeremy M. Weinstein, *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*, Cambridge University Press, Cambridge, 2007.

25. Achim Wennmann, "Grasping the financing and mobilization cost of armed groups: A new perspective on conflict dynamics", *Contemporary Security Policy*, Vol. 30, No. 2, 2009, pp. 265–280.

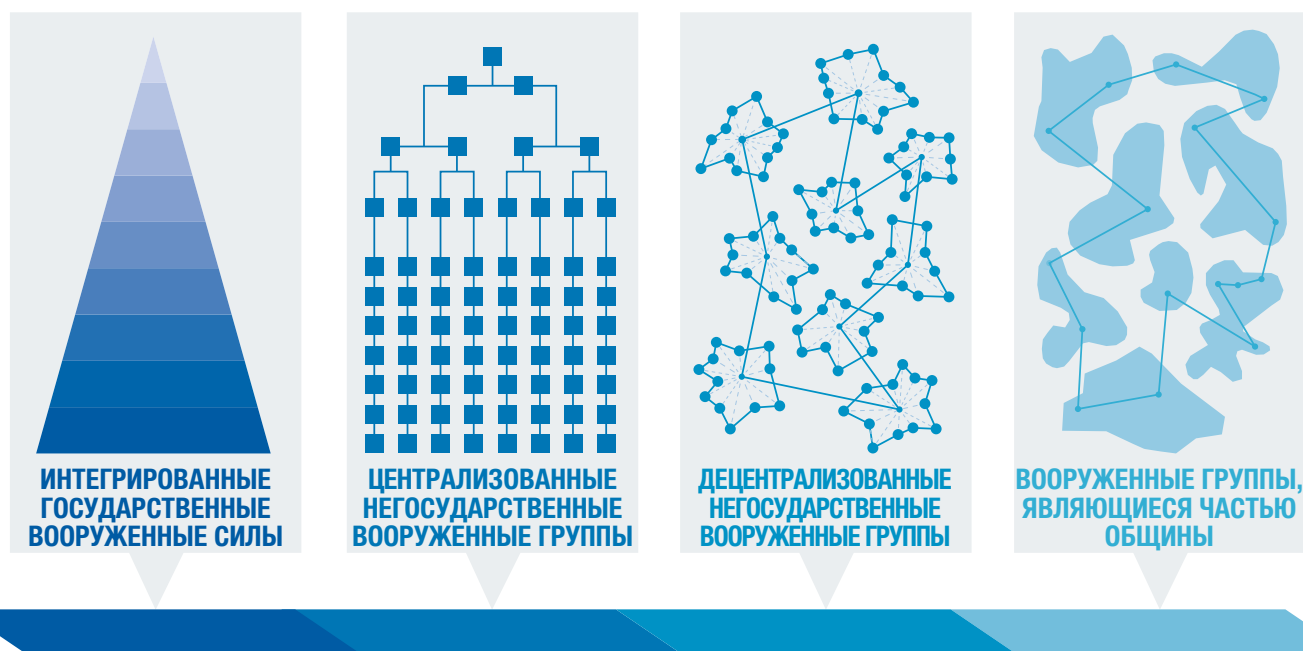
26. Guy L. Siebold, "Key questions and challenges to the standard model of military group cohesion", *Armed Forces & Society*, Vol. 37, No. 3, June 2011, pp. 448–468.

гают сплоченности путем воспитания преданности не только подразделению, но и организации в целом. Для этого необходимо сформировать ее самоидентичность (особый образ) на основании групповых установок и совместных ритуалов. С этой целью высокоцентрализованные государственные вооруженные силы эксплуатируют историю групп размером около полка, объединенных националистическими идеалами. В централизованных негосударственных вооруженных группах эту роль выполняет идеология. Основное значение имеет, однако, не конкретное содержание идей или ценностей, а их перевод в действия, которые создают эффект полного погружения и слияния с группой.

Гуманитарным организациям важно знать организационную структуру по двум причинам. Во-первых, это помогает определить, кто в группе принимает основные решения. В децентрализованных группах командир каждого подразделения обладает значительной властью над действиями и поведением своего подразделения, поэтому именно с местными командирами стоит главным образом обсуждать поведение членов их подразделений. В более централизованных вооруженных группах командиры подразделений должны выполнять приказы. Таким образом, основные решения принимаются высшим руководством, и именно к нему следует в первую очередь обращаться с оперативными и гуманитарными вопросами. Тем не менее, если механизмы контроля недостаточно эффективны, надзор за выполнением решений может быть подорван, что даст командирам подразделений больше свободы в толковании спущенных сверху указаний, так что может возникнуть необходимость и в установлении диалога на уровне командиров подразделений.

Во-вторых, организационная структура может дать представление о рычагах влияния, которыми располагает руководство группы. Централизованные вооруженные группы опираются на четко прописанные правила и ценности, которые чаще всего внушаются рядовому составу в процессе обучения и идеологической обработки. У децентрализованных вооруженных групп и групп, являющихся частью местных общин, не всегда есть писанные правила поведения — заменой им служат общие ценности и традиции. В таких случаях источник нормы, влияющей на поведение, необходимо искать внутри общины, и он не всегда очевиден или доступен для сторонних наблюдателей.

Рис. 2. Шкала организованности вооруженных групп

Для целей настоящего доклада различные типы вооруженных сил и вооруженных групп были составлены в одну шкалу: от высокоцентрализованных государственных вооруженных сил до вооруженных групп, которые настолько децентрализованы, что лишены организационной структуры и ответственного командования, необходимых им, чтобы считаться вооруженной группой по МГП (см. рис. 2). Таким образом, группы последнего типа не могут считаться стороной в вооруженном конфликте с точки зрения права.

Для определения положения конкретной группы на шкале применялись четыре критерия: источник и тип власти, характер иерархии, характер дисциплины и степень изоляции от общества. Чтобы определить сравнимые параметры в рамках каждого критерия, использовались показатели, поддающиеся наблюдению (см. таблицу 1).

Таблица 1. Внутренняя структура вооруженных организаций

ХАРАКТЕРИСТИКА	ПОКАЗАТЕЛЬ	ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ	ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ	ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЧАСТЬЮ ОБЩИНЫ
Источник власти	Руководство оперативной деятельностью	Высшее руководство	Командиры подразделений	Определяется путем переговоров между различными органами власти внутри группы и за ее пределами
	Принятие решений	Решения спускаются сверху вниз	Путем достижения согласия между командирами подразделений	Совместное принятие решений теми, кто владеет основными рычагами влияния
	Характер власти	Бюрократическая (т. е. признаваемая при любом взаимодействии, например отдавание воинского приветствия)	Харизматическая, со слабой бюрократией	Харизматическая
Характер иерархии	Уровни иерархической структуры в организации	Установившаяся иерархия (9–17 уровней)	Ограниченная (5–8 уровней)	Горизонтальная (1–4 уровня)
	Согласованное использование званий по всей организации	Сильно регламентировано	Ограничено	Отсутствует
	Регулирование продвижения с одного уровня на другой	Сильно регламентировано	Неформальное	Неформальное и изменчивое
	Координация военных действий	Высокая	Ограниченная	Низкая
Характер дисциплины	Поддающиеся наблюдению правила	Явные признаки военной дисциплины; регламентированный распорядок дня; внутренние механизмы военной юстиции	Некоторые признаки военной дисциплины, регламентированного распорядка или внутренних механизмов	Признаки военной дисциплины отсутствуют
	Кодификация правил	Правила четко зафиксированы и прямо упоминаются	Некоторые правила зафиксированы	Неписанные правила, передаваемые изустно
	Систематическое применение правил	Систематическое по всей организации	Бессистемное	В рамках группы системы нет
Степень изоляции от общества	Взаимодействие с лицами, не принадлежащими к группе	Жестко контролируется; чтобы покинуть казарму или лагерь требуется официальное разрешение	Некоторое взаимодействие	Группа является частью общественного устройства (ее члены остаются членами общины)

Определение положения вооруженной организации на этой шкале помогает лучше понять, как она действует, хотя это может измениться со временем. АНО в Колумбии, например, превратилась из высокоцентрализованной вооруженной группы в относительно децентрализованную после внутренних чисток и почти полного поражения от рук правительственных сил, что повлекло за собой и изменение ее поведения (см. главу 3).

Многие сегодняшние негосударственные вооруженные организации, с виду объединенные в одно целое, на самом деле представляют собой альянсы различных групп. Несмотря на общие черты или близкие по звучанию варианты одного и того же названия, эти группы могут быть организованы совсем по-разному. Хороший пример — «Аль-Каида», основанная в 1988 г. Сейчас эта организация состоит более чем из 40 отдельных групп, каждая со своей структурой и историей. В совокупности они действуют как единое движение с общей самоидентичностью и идеологией, однако в их моделях насилия и ориентации на внешние объекты видны значительные различия. В движениях такого типа существует централизованное ядро, которое то в большей, то в меньшей степени управляет более мелкими децентрализованными группами.

Как и любая типология, эта шкала имеет свои ограничения. Линейная модель не может отразить все возможные варианты. К примеру, децентрализованная группа может обладать чертами централизованной структуры, но все равно действовать как альянс. И наоборот, высокоцентрализованная вооруженная группа может разрешать своим членам регулярно контактировать с внешним миром, сохраняя в своей организационной структуре черты децентрализованности. Возьмем к примеру Молодежное движение моджахедов в Сомали. Оно представляет собой сочетание централизованного и крайне дисциплинированного ядра с подразделениями, члены которых связаны прочными узами преданности со своими кланами, — и это противоречие сказывается на командовании и управлении группой. Таким образом, данная шкала всего лишь служит отправной точкой для анализа вооруженных групп, не заменяя тщательного изучения их индивидуальных особенностей в соответствии с требованиями ситуации.

3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Пытаясь понять, как развиваются и распространяются нормы сдержанности в вооруженных группах, авторы данного доклада исследуют социализацию — процесс, посредством которого люди принимают нормы и правила конкретного сообщества²⁷. В прошлом МККК сосредоточивался главным образом на формальных механизмах социализации в вооруженных силах и вооруженных группах, стремясь обеспечить, как минимум, знакомство всех членов группы с нормами МГП, включение этих норм в их практическую подготовку и подкрепление их угрозой наказания за несоблюдение. МККК уделял меньше внимания неформальным нормам, которые даже в высокопрофессиональных государственных вооруженных силах могут иметь такую же силу, что и формальные. Об этом свидетельствует живучесть дедовщины и сексуального насилия в вооруженных силах Австралии и США, несмотря на согласованные усилия по их искоренению (см. главу 2). Хорошо известно, что в вооруженных силах и полиции новобранцев знакомит с формальными нормами руководство, а затем им показывают, как толковать эти нормы в реальных ситуациях. Чем охотнее поддерживают или проводят в жизнь формальные групповые нормы те, кто стоит с человеком на одном уровне, тем больше вероятность, что он их усвоит.

Выделяют три типа социализации, которые представляют для нас интерес в рамках настоящего доклада²⁸. Первый (тип 0) не приводит к усвоению норм, а лишь к временному их принятию из страха наказания или в расчете на награ-

²⁷ См.: Jeffrey T. Checkel, “Socialization and violence: Introduction and framework”, *Journal of Peace Research*, Vol. 54, No. 5, September 2017, pp. 592–605. В этом специальном выпуске, посвященном социализации и насилию, представлены девять прекрасных эмпирических исследований на данную тему.

²⁸ Ibid.

ду. Два других типа ведут к усвоению норм в той или иной степени: изучение нормы и следование ей с тем, чтобы подстроиться под ожидания и поведение других членов группы (тип 1), и полное усвоение нормы, так что она становится частью личности человека — «правильным поведением» (тип 2).

Социализация — это процесс, и посредством этого процесса людей можно побудить проявлять насилие или сдержанность. Однако насилие само по себе может быть механизмом социализации, особенно среди боевиков, которых принудительно завербовали в негосударственные вооруженные группы и заставляют совершать действия, разрывающие семейные или общественные узы и формирующие новые связи с вооруженной группой. Дара Кей Коуэн показала, как подобную роль может играть групповое изнасилование, связывая круговой порукой вынужденных новобранцев²⁹.

Настоящее исследование показывает, как полезно рассматривать механизмы социализации, когда ищешь пути воспитания сдержанности, как она понимается в МГП, в военнослужащих и членах вооруженных групп. Исследование «Истоки поведения человека на войне» подтолкнуло МККК к тому, чтобы не просто привлекать внимание к правовым нормам, но содействовать их интеграции на всех иерархических уровнях вооруженных сил и вооруженных групп с вертикальной структурой. Новое исследование идет еще дальше, призывая к разностороннему сотрудничеству с интегрированными государственными вооруженными силами и их партнерами, а также с негосударственными вооруженными группами (централизованными, децентрализованными или являющимися частью общин), чтобы обеспечить такую социализацию их личного состава, которая побудит их проявлять сдержанность в отношении мирного населения.

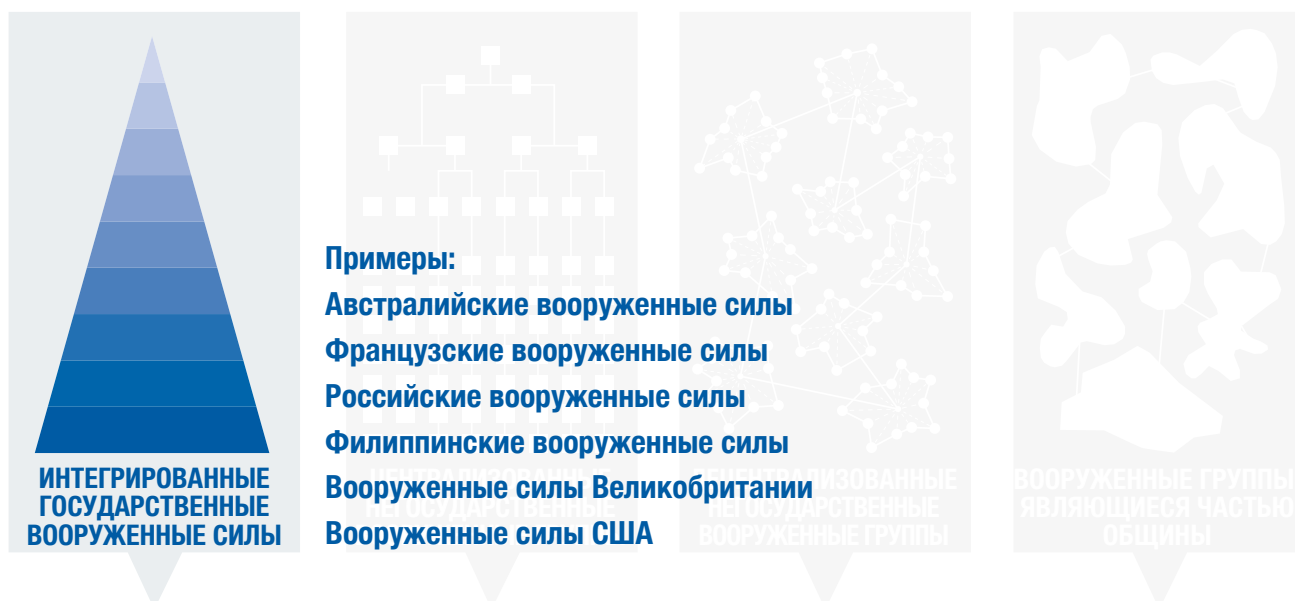

29 Dara Kay Cohen, “The ties that bind: How armed groups use violence to socialize fighters”, *Journal of Peace Research*, Vol. 54, No. 5, September 2017, pp. 701–714.

ГЛАВА 2

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

2.1 ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Интегрированные государственные вооруженные силы обладают следующими основными характерными признаками:

- строгая иерархия порядка подчиненности и принятия решений;
- кодифицированные, имеющие конкретные внешние проявления и последовательно применяемые правила;
- внешние признаки наличия дисциплины (принадлежность к определенной структуре демонстрирует ношение формы, отдавание воинских приветствий, распорядок дня);
- дистанцирование от гражданской сферы жизни при выполнении служебных обязанностей.

Большинство участников вооруженных организаций по всему миру — это военнослужащие интегрированных государственных вооруженных сил. Таким силам присуща строгая вертикаль иерархии, определяющая порядок подчиненности от руководства до рядовых членов. Правила устанавливаются руководящими документами и усваиваются в ходе обучения и традиционных церемоний, а их выполнение обеспечивается за счет существующей угрозы наказания. Однако это не означает, что личный состав государственных вооруженных сил никогда не применяет насилие без приказа или не имея на то полномочий. Хотя государственные вооруженные силы имеют много общего, между ними и внутри них существуют различия в том, что касается процессов социализации и источников влияния.

Не все государственные вооруженные структуры отличаются высокой степенью централизации. Некоторые из них могут быть сформированы по модели централизованной структуры, личный состав может носить форму и демонстрировать определенный уровень дисциплины. Однако ослабление влияния центра на военнослужащих низших званий (например, в связи с тем, что солдаты преданы не только армии, но и своему клану или этнической группе, или из-за того, что задерживается выплата денежного довольствия) сместит положение некоторых государственных вооруженных сил ближе к правому краю шкалы: используемые ими методы социализации и влияющие на них факторы скорее станут походить на те, которые присущи децентрализованным вооруженным группам.

2.2 МЕТОДЫ ФОРМАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Эмпирические исследования показывают, что подготовка повышает уровень сдержанности на поле боя³⁰. Но не любая подготовка. Эндрю Белл выяснил, что значение имеет ее интенсивность: данные, собранные в ходе конфликтов в Афганистане и Ираке, показывают, что подразделения вооруженных сил США, действовавшие под командованием офицеров, которые прошли более интенсивное обучение нормам сдержанности, совершали меньше насильственных действий в отношении гражданских лиц, даже с учетом такой переменной, как качества боевого командира. Исследования, проведенные для целей настоящего доклада, аналогичным образом демонстрируют, что большую склонность к сдержанности проявляют те военнослужащие австралийских и филиппинских вооруженных сил, которые прошли более серьезную подготовку в области МГП.

Однако интенсивность подготовки — лишь один из аспектов: данные, полученные в вооруженных силах Австралии и Филиппин, говорят о том, что лучше всего комбатанты усваивают нормы сдержанности, если комбинировать различные методы подготовки (лекции по МГП, обсуждения в классах, анализ конкретных примеров и практические полевые занятия)³¹. В Королевском военном колледже вооруженных сил Австралии недавно пришли к выводу, что важно проверять соблюдение этических норм в ситуациях, когда человек находится под давлением: в ходе недельных учений, когда курсанты не получали достаточно сна и пищи, инструкторы пытались подтолкнуть их к неэтичным и незаконным действиям в рамках смоделированного сценария. Многие поддавались, демонстрируя, как усталость и стресс могут привести к нарушению способности соблюдать этические нормы. Курсанты сами были потрясены, когда в классе им показали анонимизированную запись их действий, и говорили, что этот опыт, больше чем что-либо другое, учит их, сколь необходимо воспитать в себе стойкие моральные принципы до того, как окажешься в стрессовых условиях боевых действий. Получив подобный опыт, Королевский военный колледж с тех пор ввел в программу интенсивную этическую подготовку, включающую в себя обучение под давлением, что, как выяснилось, значительно повышает эффективность усвоения курсантами норм сдержанности.

Исследования также показывают, что для процесса социализации важно, кто именно доносит идею до аудитории. Чтобы результативно работать с австралийскими и филиппинскими военнослужащими, преподаватель МГП должен обладать боевым опытом: он должен иметь возможность обратиться к дилеммам, с которыми он сталкивался, и пояснить сделанный им выбор. И наоборот, некоторые комбатанты могут питать больше доверия к людям, которые не обладают боевым опытом, но являются признанными экспертами в области МГП: на Филиппинах новобранцы высоко оценивали занятия, проводимые гражданскими юристами из МККК. Однако тревожной новостью для тех, кто пытается преподавать МГП, может стать то, что и австралийские, и филиппинские солдаты в целом низко оценили обучение под руководством военных юристов: в таких офицерах видят «шишек», не имеющих опыта непосред-

³⁰ Andrew Bell, “Measuring the effect of norm socialization on the treatment of civilians: An analysis of U.S. army conduct in Iraq and Afghanistan”, San Francisco, 31 August–3 September 2017 (доклад, представленный на ежегодном заседании Американской ассоциации политологии); Christopher H. Warner *et al.*, “Effectiveness of battlefield-ethics training during combat deployment: A programme assessment”, *The Lancet*, Vol. 378, September 2011, pp. 915–924.

³¹ В основу этой главы легли результаты эмпирических исследований, проведенных Эндрю Беллом в австралийских и филиппинских вооруженных силах.

ственного участия в боевых действиях и не специализирующихся ни в чем конкретно. В конечном итоге результаты исследования говорят о необходимости принимать в расчет специфику внутренней среды вооруженных сил, чтобы определить, кто сможет наиболее эффективно проводить занятия с их личным составом.

Смежные исследования показывают, что ключевое значение (с точки зрения укрепления норм сдержанности) имеют инструктаж непосредственно перед заданием и, самое главное, обсуждение сразу после происшествия, в ходе которого был ранен или погиб один из членов подразделения. Военный эксперт Дейвид Килкаллен считает, что о сдержанности должен напоминать командир подразделения незамедлительно после инцидента: беседы с армейскими психологами не дают такого же результата³². Работа по укреплению норм сдержанности должна вестись на всех уровнях вплоть до самого нижнего.

Еще один аспект формальной социализации рассмотрен в исследовании: как наказания способствуют соблюдению норм права. Результаты опросов и интервью с австралийскими и филиппинскими военнослужащими говорят о том, что угроза наказания в соответствии с национальным законодательством или военно-уголовным правом действует значительно сильнее, чем угроза наказания в соответствии с «МПП» как таковым. Этот вывод подтверждает важность интеграции норм МПП в национальное законодательство, постоянный порядок действий и правила применения силы. Однако, хотя угроза наказания в соответствии с нормами внутригосударственного военно-уголовного законодательства оказывала большое влияние на поведение военнослужащих, в особенности офицеров, гораздо более серьезным фактором стал социализирующий эффект неформальных норм и «армейских ценностей».

2.3 НЕФОРМАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В последние десятилетия много внимания уделяется роли неформальных норм, принятых среди сослуживцев, в формировании взглядов и поведения военнослужащих. Становится очевидным, что социальные узы «солдатского братства» неизменно берут верх над патриотизмом или идеологией, когда речь идет о мотивах, по которым люди сражаются и убивают³³. Неписанные правила, такие как «никогда не бросать своих», глубоко укоренились в сознании военнослужащих множества государственных вооруженных сил. Данные, полученные в австралийских и филиппинских вооруженных силах, демонстрируют важнейшую роль таких неформальных норм и процессов социализации.

Правило братства постоянно упоминают военнослужащие всех званий как имеющее основополагающее влияние на взгляды и действия солдат. В ходе интервью военнослужащие отмечали, что в случае децентрализованных противоборьб встанческих операций, в которых небольшие подразделения действуют на удалении от центрального командования, такое влияние еще больше усиливается. Роль уз братства особенно заметна среди спецназовцев, которые действуют маленькими тесно спаянными группами независимо от обычных подразделений вооруженных сил.

³² Интервью с Дейвидом Килкалленом. Женева, 29 ноября 2017 г.

³³ См., например: Guy L. Siebold, "The essence of military group cohesion", *Armed Forces & Society*, Vol. 33, No. 2, January 2007, pp. 286–295; Charles Kirke, "Military cohesion, culture and social psychology", *Defense & Security Analysis*, Vol. 26, No. 2, June 2010, pp. 143–159.

Ярким показателем значения неформальных норм в вооруженных силах является живучесть сексуального насилия и дедовщины — жестоких и часто унижительных процедур инициации, которым подвергаются новобранцы под предлогом необходимости сплочения группы, несмотря на нормы военно-уголовного права, реформы и дисциплинарные меры, призванные их искоренить. Исследование, проведенное Вуд и Топпельбергом в вооруженных силах США, указывает на существование неформальных механизмов, которые превращают сексуальное насилие в обыденное действие, в общепринятую и допустимую форму наказания и оправдывают месть тем, кто сообщает о подобных случаях³⁴. В Австралии проводилось 11 официальных расследований, в том числе по нескольким парламентским запросам, предметом которых была дедовщина и прочие формы дурного обращения в австралийской армии в период с 1971 по 2009 гг. Тем не менее, случаи дурного обращения повторяются вновь и вновь³⁵, способствуя глубокому укоренению армейских ценностей.

Неформальные нормы — это палка о двух концах: они могут и подкреплять, и подрывать официальные правила организации.

Таким образом, неформальные нормы — это палка о двух концах: они могут и подкреплять, и подрывать официальные правила организации. Хотя нет сомнения в том, что неформальные нормы способствуют сплочению группы, такое сплочение становится проблемой, когда члены подразделения начинают «защищать друг друга от системы, если или когда один из них совершит ошибку»³⁶. Когда верность группе сильнее, чем верность организации в целом, свидетели случаев неэтичного поведения не склонны о них сообщать, что сказывается на эффективности механизмов, обеспечивающих соблюдение норм.

Наконец, в ходе исследования проводились эксперименты, чтобы выяснить, сколько сослуживцев комбатанта (в процентном соотношении от состава группы — 25%, 50% или 75%) необходимо, чтобы изменить его мнение о проведении гипотетической военной операции, которая повлечет за собой серьезные потери среди гражданского населения. Как в австралийских, так и в филиппинских вооруженных силах мнение сослуживцев, судя по всему, играет значительную роль, подталкивая комбатантов к большей сдержанности, но, однако, ситуация не сильно меняется, когда количество тех, кто поддерживает соответствующие нормы, превышает 50%. Из этого следует, что тем, кто занимается распространением знаний об МГП, необязательно добиваться усвоения норм сдержанности всеми членами подразделения: даже если их примет половина группы или меньше, это привлечет внимание их товарищей к необходимости щадить мирных жителей.

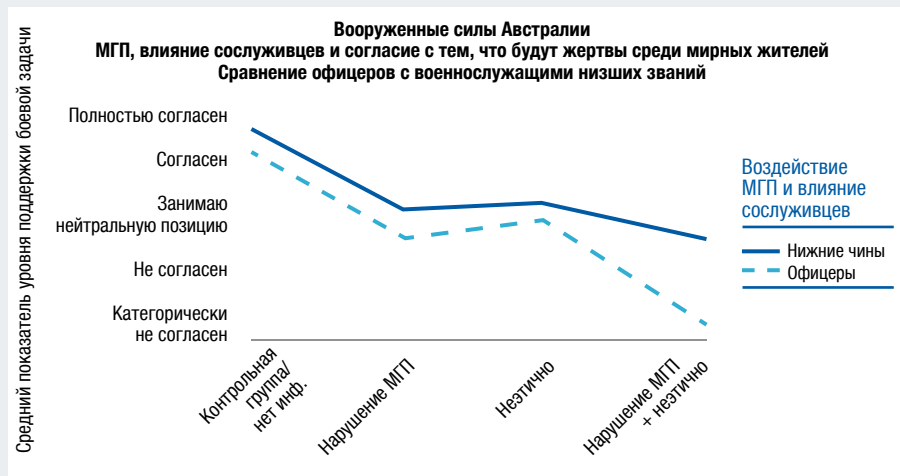
34 Elisabeth J. Wood and Nathaniel Toppelberg, "The persistence of sexual assault within the US military", *Journal of Peace Research*, Vol. 54, No. 5, September 2017, pp. 620–633.

35 Richard Evans, "Hazing in the ADF: A culture of denial?", *Australian Army Journal*, Vol. X, No. 3, 2013, pp. 113–127, at 117.

36 Denny Neave and Craig Smith, *Aussie Soldier: Up Close and Personal*, Big Sky Publishing, Wavell Heights, 2008, p. 52.

Формальные и неформальные источники влияния

Приведенный ниже график демонстрирует сравнительное воздействие формальных механизмов МГП и неформальных механизмов влияния сослуживцев на предпочтения офицеров и других военнослужащих австралийской армии.

В ходе эксперимента, проведенного в рамках исследования, участников просили дать рекомендации командиру относительно нанесения удара по крупному производству бомб, находящемуся в жилом квартале. В результате проведения гипотетической операции скорее всего пострадали бы гражданские лица. В контрольном варианте опроса никакой другой информации не предоставлялось. В варианте 1 участникам сообщили, что, по мнению юридического советника подразделения, такая операция станет нарушением МГП. В варианте 2 участникам сообщили, что большинство членов подразделения считают операцию незетичной. В варианте 3 им сказали и то, и другое.

Интересно отметить, что оба фактора — и квалификация с точки зрения МГП, и мнение сослуживцев — больше повлияли на австралийских офицеров, чем на рядовой и сержантский состав. График ясно показывает, что наибольшее влияние на мнение офицеров оказывают в совокупности формальные и неформальные механизмы социализации.

2.4 АКЦЕНТ НА МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Как представляется, один из способов, к которым прибегают вооруженные силы и Австралии, и Филиппин в попытке совместить формальные и неформальные процессы социализации, — это акцентирование «армейских ценностей»: и офицеры, и солдаты часто упоминали о таких ценностях как о важном факторе, влияющем на поведение³⁷. Эти моральные ценности, по всей видимости, мощно подкрепляют положения права, образуя гибрид формальных и неформальных механизмов социализации.

³⁷ Amelia Hoover Green, “Armed group institutions and combatant socialization: Evidence from El Salvador”, *Journal of Peace Research*, Vol. 54, No. 5, September 2017, pp. 687–700; “The commander’s dilemma: Creating and controlling armed group violence”, *Journal of Peace Research*, Vol. 53, No. 5, September 2016, pp. 619–632.

мальных норм, призванных не допустить нежелательного поведения: не только потому что это «против правил», но и потому что «мы не такие». Мы говорим здесь о гибриде, поскольку, в отличие от соблюдения правовых норм, следование таким ценностям не обеспечивается в принудительном порядке (за исключением случаев, когда действия, противоречащие ценностям, также являются нарушением права), но продвижение по службе и уважение сослуживцев явно зависят от того, в какой мере человек ориентируется на эти ценности.

В 2013 г. австралийская армия продемонстрировала, как можно использовать ценности в качестве инструмента социализации, чтобы привести поведение в соответствие с институциональными нормами: после уже упомянутых выше скандалов, связанных с сексуальным насилием в Силах обороны Австралии, принятые на тот момент ценности — «мужество», «инициатива» и «сплоченность» — были дополнены «уважением». На мероприятии, посвященном этому событию, тогдашний командующий сухопутными войсками генерал-лейтенант Дейвид Моррисон говорил о моральных ценностях военнослужащих:

Никто еще не смог мне объяснить, как трус в казарме может стать героем на поле боя. А тот, кто издевается над товарищами, — трус, как и тот, кто пассивно наблюдает за травлей, не имея мужества вступить за своих³⁸.

Этот воззвание к чести каждого нашло отклик среди военнослужащих Филиппин и Австралии. По словам одного из австралийских солдат, после боя «тебе не должно быть стыдно смотреть на себя в зеркало».

Таким образом, именно здесь настоящее исследование расходится с выводами авторов брошюры «Истоки поведения человека на войне», которые не рекомендовали опираться на моральные ценности (вещь относительную и ненадежную) и выступали за более формальный подход, предполагающий выполнение приказов, соблюдение дисциплины и верность иерархии³⁹. Они утверждали, что комбатант не обладает моральной автономией, хотя это противоречит решениям судов, не принимающих довод «я всего лишь выполнял приказ» в качестве аргумента защиты. Действительно, одна из задач военной подготовки — довести рефлекс до автоматизма и ограничить моральную автономность индивидуума. Однако данные, полученные в ходе исследования и интервью, говорят о том, что мотивация, основанная на ценностях, на самом деле может влиять на поведение комбатанта так же сильно, как угроза наказания⁴⁰. Такой акцент на особом духе организации, воинской чести и этичном поведении позволяет военнослужащим усваивать нормы сдержанности, содействуя соблюдению МГП

38 Address by the chief of army, Lieutenant General David Morrison, AO, at the launch of the fourth value of the Australian Army – “Respect”, Lavarack Barracks, Townsville, 4 July 2013.

39 Более вдумчивое и подробное критическое рассмотрение этого вопроса см. в: Dale Stephens, “Behaviour in war: The place of law, moral inquiry and self-identity”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, No. 895/896, December 2014, pp. 751–773.

40 На самом деле, МККК не ограничивает свои усилия нормами права. В вышедшем в 2016 г. комментарии к Женевской конвенции I (ст. 47, сноска 4) упоминается исследование «Истоки поведения человека на войне» и говорится: «Чтобы повысить эффективность международного гуманитарного права и убедить людей вести себя в соответствии с правовыми нормами, необходимо, чтобы МГП преподавалось не в виде абстрактного, отдельно стоящего свода юридических норм, а было интегрировано во все аспекты повседневной деятельности вооруженных сил, обучения и практической подготовки личного состава. Такая интеграция призвана стимулировать военную культуру, воздействовать на нее и на лежащие в ее основе ценности, чтобы обеспечить максимально широкое включение юридических соображений и принципов МГП в руководящие документы вооруженных сил и процесс принятия решений».

в той степени, которой невозможно достичь исключительно путем принуждения. Тем более необходимо усвоение норм, обусловленное не только угрозой наказания в рамках МПП, при осуществлении децентрализованных противоповстанческих операций, когда подразделения действуют вне сферы контроля со стороны командира и механизмов правового принуждения, применяемых командными структурами более высокого уровня.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существует потребность как в праве, так и в ценностях, на которые оно опирается. При этом акцент на том или на другом зависит от конкретной целевой аудитории. Роль права в установлении стандартов жизненно важна, но, как представляется, более прочных результатов в обеспечении сдержанности можно добиться, обеспечивая усвоение ценностей, выражением которых оно является. Хотя в последнее десятилетие военным операциям все чаще находят правовое обоснование (в определенных кругах эта практика известна как «lawfare» — ведение войны с помощью юридических механизмов⁴¹), слова британского историка Джона Кигана по-прежнему актуальны, особенно в отношении противоповстанческих операций:

Честь как средство обеспечить порядочное поведение на поле боя — ничем не заменить. Ей не было замены в прошлом, не будет и в будущем. Там, где людей убивают в бою, нет судей и, что еще важнее, нет полиции⁴².

2.5 ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Исследование также выявило ряд ключевых проблем, затрудняющих усвоение комбатантами норм сдержанности. Возможно, самая серьезная из них — скептицизм, с которым солдаты, несущие службу на передовой, относятся к абстрактным правовым и моральным принципам, в особенности перед лицом смертельных опасностей, угрожающих им и их товарищам. Кроме того, по-прежнему крайне сложно добиться соблюдения военнослужащими норм МПП, если их постоянно нарушает противник. Соответственно, акцент на том, что сдержанность — качество, внутренне им присущее, часть их личности, может поспособствовать соблюдению норм в тех случаях, когда военнослужащие задаются вопросом, почему они должны следовать положениям МПП, в то время как неприятель этого не делает.

Поиск путей преодоления такого скептицизма — главная задача тех, кому поручено распространять знания о положениях МПП и нормах сдержанности и содействовать их соблюдению. Опросы и интервью говорят о том, что самое сильное воздействие на мысли и поведение рядового состава оказывает пример, который подают сержанты и старшины. Значит, именно им должно быть отведено центральное место в усилиях по распространению норм сдержанности среди рядовых в небольших боевых подразделениях. Во многих отношениях сержанты и старшины должны стать такими же участниками процесса обучения нормам МПП, что и командир батальона, ведь только когда военнослужащие такого уровня усвоят эти нормы, можно будет говорить о процессе формальной и неформальной социализации среди рядового состава.

⁴¹ Существует даже блог, посвященный этой теме: <https://www.lawfareblog.com>.

⁴² Цит. по: Michael Ignatieff, *The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience*, Vintage, London, 1999, p. 118.

Кроме того, данные, полученные в ходе исследования, показывают, что религиозная принадлежность может помешать абсолютной преданности комбатанта армии: это особенно важно в случае военнослужащих-мусульман, для которых МГП имеет гораздо меньшее значение, чем принципы исламского права. Чтобы снизить вероятность конфликта между двумя этими факторами влияния, преподаватели должны особо подчеркивать сходство между принципами МГП и ислама в том, что касается сдержанности в отношении гражданских лиц и запрета на применение определенных средств и методов ведения войны; при этом они должны использовать формулировки и примеры, подходящие к данной конкретной ситуации. МККК проводит такие семинары с государственными и негосударственными структурами в исламском мире, обращая внимание на общие для двух систем принципы и подчеркивая тот факт, что исламское право старше МГП более чем на тысячу лет. На Филиппинах, например, в начале 2018 г. в Центре национальной полиции Филиппин по изучению вопросов правоприменительной деятельности в Кесон-Сити был проведен семинар по исламскому праву, посвященный вооруженным конфликтам, МГП и обычаям и традициям ислама.

2.6 ВЫВОДЫ

Настоящее исследование демонстрирует, что «интегрированный подход» сохраняет значительную актуальность для формирования поведения комбатантов по отношению к гражданскому населению, однако он должен в полной мере учитывать особенности аудитории, обучение должно проводиться с высокой интенсивностью, а усвоение материала — проверяться в стрессовых условиях.

Некоторые выводы не совпадают, однако, с результатами исследования «Истоки поведения человека на войне», особенно когда речь идет о предложении ставить правовые нормы выше моральных ценностей. Они указывают на то, что более прочным обоснованием необходимости сдержанности послужит сочетание того и другого, обеспечиваемое механизмами формальной и неформальной социализации.

ГЛАВА 3

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ

3.1 ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Основные характерные признаки централизованных негосударственных вооруженных групп:

- руководство осуществляет жесткое командование и контроль над подчиненными посредством строгой иерархии;
- имеется четко определенная доктрина или идеология, которая задает цели, образ действий и картину мира;
- внешние признаки наличия дисциплины (принадлежность к определенной структуре демонстрирует ношение формы, отдавание воинских приветствий, распорядок дня);
- обособленность от гражданского населения (проживание в лагерях или казармах).

Централизованные негосударственные вооруженные группы обладают многими структурными характеристиками, присущими интегрированным государственным вооруженным силам, в том числе четкой иерархией, детально разработанной доктриной и строгой дисциплиной. Однако, в отличие от государственных вооруженных сил, централизованные негосударственные вооруженные группы не имеют доступа к государственным ресурсам и инфраструктуре, поэтому их руководителям сложнее поддерживать связь с полевыми командирами и их подразделениями и следить за их поведением. Чтобы приблизить убеждения и предпочтения членов централизованных негосударственных вооруженных групп к интересам и предпочтениям их руководства, первые подвергаются воздействию системы социализации и контроля, которая охватывает практически все аспекты повседневной жизни. Данный процесс меняет саму их личность и укрепляет преданность группе в целом. Исповедуемые идеологии могут быть самыми разнообразными (от коммунизма до салафитского джихадизма).

Многие освободительные движения в Африке и революционные вооруженные силы левого толка в Центральной Америке и Азии во время холодной войны обладали высокоцентрализованной структурой, что частично объяснялось внешним финансированием, которое они получали за роль марионеток в противо-

стоянии сверхдержав. Сегодня такие группы составляют незначительное меньшинство среди негосударственных вооруженных групп, существующих в мире, однако благодаря своему военному потенциалу они играют важную роль в нескольких вооруженных конфликтах. Более современными примерами централизованных групп могут служить Коммунистическая партия Непала (маоистская), боровшаяся с правительством Непала в период с 1996 по 2006 гг., организация «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ), которая вела военные действия против правительства Шри-Ланки с конца 1970-х по 2009 гг., Национально-освободительный фронт моро (НОФМ) на Филиппинах и группировка «Исламское государство» в Ираке и Сирии.

В этой главе основное внимание уделяется двум негосударственным вооруженным группам, участвовавшим в продолжительной гражданской войне в Колумбии: Революционным вооруженным силам Колумбии — Армии народа (РВСК-АН), подписавшей в 2016 г. мирное соглашение с правительством, которое положило конец 52-летнему конфликту, и все еще действующей Армии национального освобождения (АНО)⁴³. Поначалу обе вооруженные группы отличались высокой централизованностью, однако в начале 1970-х гг. после жестких внутренних чисток и после того, как она была практически полностью уничтожена вооруженными силами Колумбии, АНО была децентрализована. В возродившейся АНО был выбран более коллегиальный подход к принятию решений командирами различных уровней, а также децентрализованная структура управления — чтобы больше ни один руководитель не имел достаточно власти для убийства или изгнания своих товарищей. Учитывая эти обстоятельства, данная глава проливает свет на то, как структура вооруженной группы, ее идеология и внутренние механизмы могут повлиять на модели насилия и сдержанности.

3.2 НЕСОВПАДАЮЩИЕ МОДЕЛИ НАСИЛИЯ И СДЕРЖАННОСТИ

По имеющейся информации модели насилия и сдержанности РВСК-АН и АНО имели и общие черты, и различия. Обе группы использовали схожий репертуар насилия в отношении гражданского населения, включавший в себя массовые и единичные убийства, похищения, вербовку несовершеннолетних, вымогательства, разрушение объектов инфраструктуры и принудительное перемещение. В отличие от полувоенных формирований ни АНО, ни РВСК-АН не прибегали к массовым изнасилованиям и захвату товаров или собственности. Однако между субмоделями насилия этих двух групп наблюдались важные различия. Даже если учитывать разницу в размерах (в определенные моменты РВСК-АН в два—четыре раза превышала АНО по численности), РВСК-АН совершала в семь раз больше массовых убийств мирных жителей, устанавливала в десять раз больше мин и вербовала в четыре раза больше несовершеннолетних, чем АНО. Напротив, АНО, пусть и будучи гораздо меньше, совершила практически столько же

⁴³ В этой главе используются материалы полевых исследований, проведенных под руководством Франсиско Гутьерреса-Санина с использованием методов, обозначенных во введении к данной публикации, а также более ранние работы, в том числе: Francisco Gutiérrez Sanín, “Telling the Difference: Guerrillas and Paramilitaries in the Colombian War”, *Politics & Society*, Vol. 36, No. 1, March 2008, pp. 3–34; Francisco Gutiérrez Sanín and Antonio Giustozzi, “Networks and armies: Structuring rebellion in Colombia and Afghanistan”, *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 33, No. 9, August 2010, pp. 836–853; and Francisco Gutiérrez Sanín and Elisabeth J. “Ideology in civil war: Instrumental adoption and beyond”, *Journal of Peace Research*, Vol. 51, No. 2, March 2014, pp. 213–226.

похищений, сколько РВСК-АН, а также долгое время «специализировалась» на разрушении объектов инфраструктуры, в особенности нефтепроводов.

Некоторые из этих различий объясняются идеологией и структурой данных вооруженных групп. Как показано в таблице 2, обе вооруженные группы придерживались той или иной версии марксизма и заявляли, что участвуют в народной войне. Однако идеология АНО подверглась значительному влиянию со стороны революционного гуманизма Че Гевары и была пронизана католическими ценностями с упором на самопожертвование, героизм и сочувствие к беднякам, в то время как идеология РВСК-АН скорее подавалась как классовая борьба. Хотя обе вооруженные группы считали серьезным преступлением «неуважение к народным массам»⁴⁴ (скажем, воровство наказывалось смертью), идеологические различия привели их к разным траекториям развития и в конечном итоге к разным моделям поведения. Например, первоначально АНО по моральным соображениям запрещала выращивание коки на подконтрольных ей территориях, тем самым отказываясь от прибыльного источника дохода, который позволил РВСК-АН перерасти в структуру, похожую на армию. РВСК-АН рассматривала гражданских лиц скорее через призму классовой борьбы, нежели как объекты, нападать на которые противозаконно, и с этой точки зрения убийства и похищения «классовых врагов» представлялись оправданными. Отличалось и отношение двух групп к МГП: АНО поддерживала «гуманизацию войны», в то время как РВСК-АН лишь частично принимала МГП, желая прекратить войну, а не гуманизировать ее. РВСК-АН выступала, в частности, против запрета МГП на вербовку несовершеннолетних, считая 15 лет приемлемым возрастом.

Таблица 2. Сравнение расформированной группы РВСК-АН и АНО

КРИТЕРИЙ	РВСК-АН	АНО
Тип организации	Армия	Партизанское движение
Идеология	Коммунизм	Геваризм и христианская теология освобождения
Конкретная идеология по отношению к гражданскому населению	Споры по поводу МГП, «войну не надо гуманизировать, ее надо прекратить»	«Войну следует гуманизировать»
Членство	Пожизненное, выйти сложно	Относительно гибкое
Структура командования	Высокий уровень централизованности	Относительно децентрализована, но не похожа на сеть

Что касается организационной структуры, представленные ниже фотографии подчеркивают различия в моделях, принятых РВСК-АН и АНО. Обе эти вооруженные группы обладали внутренней организацией и дисциплиной — но в различной степени, что имело серьезные последствия с точки зрения контроля поведения. Благодаря строгой иерархии, действенным механизмам обеспечения дисциплины и полной вовлеченности членов группы в процесс социализации, РВСК-АН удавалось сдерживать ситуативное насилие на уровне отдельных подразделений. Следовательно, приказы о совершении большинства актов насилия поступали сверху. АНО было сложнее контролировать своих бойцов, поэтому не все совершаемые ими акты насилия соответствовали политическим задачам группы. Собственно говоря, в каждой группе модели насилия отличались от подразделения к подразделению, что свидетельствует о том, что командиры среднего звена обладали определенной свободой в толковании норм и принятии решений. Идеологии полны двусмысленностей и потенциальных противоречий, которые постоянно пытаются разрешить выс-

⁴⁴ Статья 1 главы 1 Устава РВСК-АН. Правила АНО проработаны еще детальнее: целая глава посвящена обязательным нормам поведения в отношении народных масс.

шее руководство, командиры среднего звена и рядовые члены группы. Для оправдания тех или иных действий могут особо подчеркиваться определенные составляющие доктрины, по-новому толковаться нормы и иначе называться лица и объекты (например, «люди» превращаются в «информаторов»). Таким образом, идеологии задают параметры допустимого насилия и сдержанности, а институты и механизмы социализации переводят эти идеологии в характерный комплекс действий.

Бойцы РВСК-АН демонстрируют военную дисциплину, свойственную высокоцентрализованным вооруженным группам. Более свободное поведение членов АНО скорее присуще децентрализованной модели.

3.3 МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

И РВСК-АН, и АНО вовлекали членов группы в процесс глубинной трансформации их предпочтений и личных свойств, уделяя особое внимание революционной морали. В РВСК-АН этому способствовали строгие правила, практически армейская муштра, плотный распорядок дня и другие меры и установки, которым была подчинена жизнь членов группы. Во-первых, членство в РВСК-АН было пожизненным: пойманных дезертиров казнили. Новобранцам давали максимум три месяца на то, чтобы передумать. Во-вторых, в 1970-е гг. РВСК-АН начала вербовать в свои ряды женщин и тем самым создала самодостаточную систему, побуждая своих членов налаживать личную и интимную жизнь внутри группы (хотя беременность при этом была запрещена)⁴⁵. Неформальное общение с людьми, не входившими в группу, крайне не приветствовалось. В-третьих, все время, свободное от ведения боевых действий, было посвящено строевой и физической подготовке и политическому просвещению, что придавало дополнительный вес нормам, прописанным в доктрине РВСК-АН, и создавало общее ощущение дисциплинированности и принадлежности к группе. Подобное насаждение организационной культуры (*cultura fariana*) призвано было дать иное обоснование сдержанности в отношении определенных форм насилия (например, изнасилований): не «это против правил», а «мы не такие». В-четвертых, РВСК-АН создала специальные институты, с тем чтобы «суды» — как над членами группы, так и над гражданскими лицами — проходили под контролем вышестоящих руководителей и

⁴⁵ Francisco Gutiérrez Sanín and Francy Carranza Franco, “Organizing women for combat: The experience of the FARC in the Colombian war”, *Journal of Agrarian Change*, Vol. 17, No. 4, October 2017, pp. 770–778.

чтобы избежать самовольного использования при этом насильственных методов. В большинстве случаев (хотя и не во всех) эти институты играли важную роль с точки зрения контроля поведения.

Уровень контроля каждой из вооруженных групп над своими членами могут проиллюстрировать данные об изнасилованиях (эта форма насилия обычно ассоциируется с вооруженным конфликтом). И РВСК-АН, и АНО имели строгие правила, запрещавшие изнасилования без каких-либо исключений, даже в отношении противника или хранившего ему верность населения. Изнасилования карались смертной казнью. Хотя о случаях изнасилования, как увы все знают, сообщается далеко не всегда, по имеющимся данным видно, что РВСК-АН и АНО совершали их редко, особенно если сравнивать с полувоенными формированиями. Это подтверждают и рассказы жертв похищений. Политик Ингрид Бетанкур, которую, как известно, РВСК-АН в течение 6 лет держала в плену, обращаясь с ней довольно жестоко, не упоминала ни одного случая изнасилования⁴⁶. Другие бывшие заложники⁴⁷, никто из которых не питал любви к РВСК-АН, говорили практически то же самое⁴⁸. Следовательно, обе эти вооруженные группы могли проявлять сдержанность, когда хотели.

3.4 МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК СДЕРЖАННОСТИ

Как говорилось выше, обе вооруженные группы оказывали решающее влияние на поведение своих членов. Казалось, РВСК-АН и АНО не были так уж обеспокоены политическими последствиями чинимого ими насилия, особенно похищений, которые РВСК-АН прекратила совершать лишь после начала мирных переговоров. АНО прибегает к похищениям до сих пор. В заключительной части этой главы рассматривается тема, которая относительно недавно привлекла внимание исследователей и представляет интерес для гуманитарных организаций, имеющих дело со все более затяжными конфликтами, — влияние местного населения на поведение вооруженных групп.

Оливер Каплан, который главным образом занимается Колумбией, подробно описывает, как мирные жители могут положительно повлиять на вооруженные группы и ограничить проявления насилия, особенно когда речь идет о сплоченном и хорошо организованном сообществе⁴⁹.

Для этого местное население использует несколько тактик. Во-первых, придерживаясь политики активного нейтралитета и обозначая границы зон безопасности, сообщества могут предотвратить вербовку своих членов или превра-

⁴⁶ Ingrid Betancourt, *No hay silencio que no termine*, Aguilar, Bogotá, 2012; "Dura experiencia del secuestro convirtió a Ingrid Betancourt en símbolo de la libertad en el mundo", *El Tiempo*, 8 October 2008; "Así fue el secuestro de Ingrid Betancourt", *El Espectador*, 3 April 2008.

⁴⁷ Существует гораздо больше рассказов людей, похищенных РВСК-АН, чем тех, кого похищала АНО.

⁴⁸ См., например: Centro Nacional de Memoria Histórica, *Una verdad secuestrada: Cuarenta años de estadísticas de secuestro 1970–2010*, Imprenta Nacional, Bogotá, June 2013; Clara Rojas, *Captive: 2,147 Days of Terror in the Colombian Jungle*, Simon and Schuster, New York, 2009.

⁴⁹ См., в частности: Oliver Kaplan, "Protecting civilians in civil war: The institution of the ATCC in Colombia", *Journal of Peace Research*, Vol. 50, No. 3, May 2013, pp. 351–367, and *Resisting War: How Communities Protect Themselves*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2017. См. также: Juan Masullo, "A Theory of Civilian Noncooperation with Armed Groups: Civilian Agency and Self-Protection in the Colombian Civil War", doctoral dissertation, Department of Political and Social Sciences, European University Institute, Florence, August 2017.

щение их в информаторов какой-либо из сторон конфликта. При этом крайне важна сплоченность сообщества: нельзя допустить, чтобы одни его члены сотрудничали с вооруженными группами и получали от них какие-то блага, а другие нет. Со временем, благодаря демонстративному отказу жителей вставать на ту или иную сторону, вооруженные группы могут перестать заходить в зоны, обозначенные как безопасные.

Во-вторых, крепкие сообщества способны задействовать процедуры разрешения конфликтов на местном уровне. Благодаря этому у мирных жителей не будет необходимости обращаться к внешним субъектам для урегулирования локальных разногласий, особенно там, где государственные институты не обладают большой властью. К тому же, такое положение дел не дает вооруженным группам предлога вмешаться в дела сообщества и обратить раздоры в свою пользу.

В-третьих, сообщества могут создавать местные механизмы для расследования обвинений, предъявляемых тем, кого подозревают в сотрудничестве с противником. Случается, что вооруженные группы ошибочно истолковали действия гражданских лиц как пособничество их врагам; бывает, что один член общины оговорил другого из-за соперничества между ними. Процесс гражданского расследования, в результате которого сообщество поручится за тех, кого обвиняют ложно, но не за тех, чей коллаборационизм был доказан, может в какой-то степени защитить от насилия несправедливо обвиненных. Подобные механизмы расследования создаются в диалоге с соответствующими вооруженными группами, чтобы убедить их позволить гражданским самостоятельно поддерживать порядок в своем сообществе.

Жизнеспособность таких механизмов во многом зависит от того, насколько сильно руководство сообщества, от сплоченности общины и от готовности самих ее членов проявлять сдержанность. Гуманитарные организации зачастую не обращают внимания как на положительное, так и на отрицательное влияние местного населения: последнее очевидно в ряде конфликтов — от Афганистана и Колумбии до Мали и Сирии, — в которых местные жители требовали или требуют применить насилие против людей, которых считают угрозой для общественного порядка, в частности против преступников.

3.5 ВЫВОДЫ

Данное исследование показывает, что структура и идеология вооруженной группы влияет на поведение членов централизованных негосударственных вооруженных групп во многом подобно воздействию руководящих документов и иерархии в государственных вооруженных силах. Основные различия кроются в слабости механизмов контроля, имеющихся у негосударственных групп (из-за которой могут не соблюдаться приказы центрального командования), и в полной вовлеченности членов группы в процесс социализации, необходимой, чтобы привести их поведение в соответствие с нуждами руководства.

Сильная идеологическая направленность централизованных негосударственных вооруженных групп позволяет завязать с ними дискуссию о том, согласуется ли их поведение с целями и принципами, которые отстаивает их доктрина. Для этого необходимо хорошо понимать скрытые детали доктрины, а также возможные противоречия, сомнительные моменты и лазейки, которые можно использовать для оправдания тех или иных действий.

Влияние местного населения на поведение вооруженных групп — это тема, изучение которой стоит продолжить, особенно в аспекте взаимосвязи между сплоченностью сообщества и его способностью защитить своих членов от насилия. Гуманитарные организации все активнее ищут возможности для того, чтобы поддержать инициативы населения, которое пытается самостоятельно защитить себя, прежде всего во время затяжных конфликтов, когда насилие вокруг становится не исключением, а нормой. Однако тем, кто оказывает гуманитарную помощь, следует помнить об опасностях, которыми их участие в этом процессе может грозить как местным жителям, так и их собственному имиджу: от восприятия подобных организаций как нейтральных зависит безопасность их сотрудников, доступ к тем, кому они помогают, и сама их способность вести диалог с вооруженными силами и вооруженными группами. Мы вернемся к этому вопросу в главе 6.

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ

4.1 ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Децентрализованные негосударственные вооруженные группы обладают следующими основными характерными признаками:

- это альянсы небольших вооруженных групп, командиры которых сохраняют значительные полномочия по принятию решений и ответственность за членов группы;
- состав альянсов неустойчив: лидеры и их группы могут отколоться, чтобы создать новое объединение или присоединиться к другому, уже существующему, без ущерба для сплоченности группы;
- многочисленные децентрализованные группы могут сотрудничать в рамках более масштабных движений, таких как «Аль-Каида» или группировка «Исламское государство», что позволяет им распространить свое влияние на определенную местность, регион или на весь мир;
- слабая согласованность действий внутри альянса, в том числе в отношении подготовки и проведения военных операций
- внешние признаки военной дисциплины немногочисленны (например, нет единой формы одежды, отсутствует практика отдания воинского приветствия, не прописан распорядок дня).

Децентрализованные негосударственные вооруженные группы, как правило, состоят из альянсов или групп меньшего размера, в которых командиры подразделений сохраняют значительную власть. На первый взгляд такие альянсы образуют единую группу, однако в действительности они представляют собой объединения небольших самостоятельных групп. В силу неустойчивости альянсов и небольшого размера входящих в них подгрупп может сложиться впечатление, что чинимое ими насилие носит хаотический и бессистемный характер. Однако подобные альянсы бросают серьезный вызов своим более организованным противникам в Ливии, Сирии и Йемене. Поддерживая представление о своей неорганизованности, командиры могут ввести противника в заблуждение и в то же время помочь спонсорам группы отстраниться от ответственности за ее действия. На сегодняшний день децентрализованные вооруженные группы составляют большинство среди негосударственных вооруженных групп всего мира; они действуют преимущественно на Ближнем Востоке и в Северной

Африке. Из-за их децентрализованности и отсутствия документально зафиксированных правил поведения гуманитарным организациям особенно непросто вести с ними диалог. Все это лишь усложняет оперативную обстановку.

Децентрализованные вооруженные группы составляют большинство среди негосударственных вооруженных групп всего мира.

Рост числа децентрализованных негосударственных вооруженных групп и их стойкость перед лицом более мощных государственных вооруженных сил отчасти объясняются их горизонтальной структурой, обеспечивающей высокую приспособляемость. Из-за их структуры им сложно нанести поражение, поскольку выживание всего альянса не зависит от участи одной из входящих в него самодостаточных групп. Хотя группы не нуждаются в указаниях и снабжении со стороны центрального командования, они могут объединять и распределять свои ресурсы, исходя из стратегических соображений. Еще одно преимущество такого рода объединений заключается в том, что они могут вбирать в себя группы, состоящие из представителей местных общин, ставя недовольство местного населения на службу более широким политическим целям и создавая условия, при которых простой пастух может стать боевиком и отправиться воевать в другую страну.

Как станет видно из настоящего доклада, чем более децентрализована вооруженная группа, тем сильнее она зависит от влияния извне. Сторонние силы используют свою религиозную, общественную, политическую и экономическую власть, чтобы оказывать влияние на вооруженные группы. Однако эта власть меняется, когда меняется соотношение сил между вооруженными группами и этими структурами.

Для рассмотрения некоторых тенденций, присущих этой крайне разнородной категории вооруженных групп, в данной главе сравниваются две децентрализованные группы, действующие в Мали: группировка «Ансар-ад-Дин» и Движение за единобожие и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА)⁵⁰. Хотя обе группы возникли в ответ на глобальный призыв «Аль-Каиды», каждая из них прибегала к насилию и демонстрировала сдержанность по-разному. Это может пролить свет на то, как по-разному местные силы могут влиять на поведение децентрализованных групп даже в случае, когда обе группы придерживаются схожих салафитско-джихадистских принципов. В данной главе также показано, как духовные лидеры ссылались на местные западносахарские традиции исламского права в переговорах с группировкой «Ансар-ад-Дин» и ДЕДЗА.

4.2 НЕСОВПАДАЮЩИЕ МОДЕЛИ НАСИЛИЯ И СДЕРЖАННОСТИ

В 2012 г., после того как восставшие туареги-сепаратисты изгнали местные органы государственной власти из северных областей Мали, контроль над регионом установила коалиция групп джихадистского толка. Эти джихадистские группировки вытеснили туарегских сепаратистов скорее политическими мето-

⁵⁰ В основу данной главы легли исследования Ивана Гишауа и Фердаус Булель.

дами, нежели благодаря военным победам: они переманивали к себе их бойцов и вступали в союзы с влиятельными лидерами местных общин.

Исследователи изучили, каким образом две из этих джихадистских групп, «Ансар-ад-Дин» в области Кидаль и ДЕДЗА в области Гао, установили контроль над территориями на севере Мали и управляли ими до военного вмешательства Франции в январе 2013 г.⁵¹ Каждая из групп создала систему управления, в основе которой лежали исламские принципы, пропагандируемые «Аль-Каидой» и двумя ее ключевыми фигурами — Усамой бен Ладеном и Айманом аз-Завахири. Однако в то же время обе группы позиционировали себя как последователей исторически аутентичных направлений ислама, имеющих давнюю историю в Западной Сахаре.

Север Мали стал для салафитско-джихадистского движения «испытательным полигоном» для применения, регламентации и контролирования насилия⁵². Однако непреложного свода правил для общества, живущего по законам шариата, не существует — именно поэтому «Аль-Каида» и группировка «Исламское государство» периодически меняют свои взгляды на «такфир» (обвинение мусульманина в неверии) и нападения на собратьев по вере⁵³.

Две группы, которые стали объектом настоящего исследования, по-разному использовали такие понятия, как такфир, для оправдания нападений на других мусульман или для укрепления альянсов в Кидале и Гао. Так, приемы, к которым регулярно прибегало ДЕДЗА: теракты с участием смертников, нападения на другие малийские вооруженные группы, дурное обращение с лицами, содержащимися под стражей, не входили в число методов группировки «Ансар-ад-Дин». «Ансар-ад-Дин» также запретила принудительные браки и захват в заложники иностранцев. ДЕДЗА же в рамках своей управленческой политики практиковало и то, и другое. Чем объясняются столь разные подходы при сходстве идеологий? И какую роль в этом сыграли местные общественные лидеры? Некоторые ответы можно найти в истории и механизмах социализации каждой из этих групп.

4.3 РАЗНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СВЯЗИ С ОБЩИНАМИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

При всей схожести идеологий существовали различия в ориентированности группировки «Ансар-ад-Дин» и ДЕДЗА на местные общественные институты и механизмы социализации. Группировка «Ансар-ад-Дин» была в первую очередь туарегским движением, исторически связанным с местными племенами в области Кидаль. Давние связи лидеров группы с местными общинами привели к тому, что она активно вербовала сторонников среди местных жителей, еще больше укрепляя эти тесные отношения. К тому же территория, которую группировка «Ансар-ад-Дин» в итоге подчинила себе, была единственным регио-

⁵¹ Военное вмешательство последовало после того, как временное правительство Мали официально попросило Францию о военной помощи, а Совет Безопасности ООН принял в 2012 г. резолюцию № 2085. Операция «Сервал» началась в январе 2013 г., а в августе 2014 г. ей на смену пришла операция «Бархан».

⁵² Кроме того, можно утверждать, что эти события нашли отражение в общественной жизни, заставили людей по-новому взглянуть на методы управления и оставили после себя глубокий след: например, была пересмотрена роль местных судей (кади), действующих на основе шариата.

⁵³ Как показано в работах Доналда Холбрука (*The Al-Qaeda Doctrine: The Framing and Evolution of the Leadership's Public Discourse*, Bloomsbury Press, London, 2014, and Thomas Hegghammer, "The ideological hybridization of jihadi groups", *Current Trends in Islamist Ideology*, Vol. 9, November 2009, pp. 26–45).

P. Robert/Corbis Historical/Getty Images

ном на севере Мали, где туареги составляли большинство населения⁵⁴. Это объясняет, почему группировке удалось захватить власть в Кидале практически без сопротивления со стороны туарегских сепаратистов. Напротив, Гао — торговый центр региона, где состав населения не столь однороден, исторически был ареной напряженного противостояния и столкновений на этнической почве между представителями народности сонгаи (к которой принадлежит большинство населения) и местными общинами туарегов и арабов. ДЕДЗА обратило эти раздоры себе на пользу, примкнув к сонгайскому большинству, чтобы отбить город у удерживавших его туарегских сепаратистов.

Состав участников ДЕДЗА был более разнотелым, чем у «Ансар-ад-Дин», в рядах движения были выходцы со всего региона. Поэтому группа не была столь сильно привязана к городу Гао, над которым она в итоге установила свой контроль. Разнородный состав ДЕДЗА сказался и на его организационной структуре: по сравнению с группировкой «Ансар-ад-Дин» это был менее прочный альянс. Движение добивалось сплоченности, используя тренировочные лагеря, подготовка в которых строилась на идеологии «Аль-Каиды» и разработанных ею наставлениях по военному делу. Опираясь на опыт своих командиров, воевавших в Афганистане и Алжире, группировка использовала устоявшуюся систему подготовки «Аль-Каиды» в качестве инструмента вербовки в регионе и своего основного механизма социализации. Способность этих лагерей менять саму личность новобранцев и внушать им преданность организации наглядно проявилась после того, как ДЕДЗА захватило Гао. Группа расширила круг потенциальных участников, принимая в свои ряды и обучая представителей местных народностей, которые вскоре уже составляли значительную часть ее наступательных сил: бойцов и террористов-смертников. И напротив, исповедуемый группировкой «Ансар-ад-Дин» туарегский национализм находил особенно сильный отклик у местной туарегской общины с давними мятежными традициями, привлекая местных бойцов и вписываясь в представления о чинимых против туарегов несправедливостях. Были быстро освоены присущие данному

54. International Crisis Group, *Mali: Security, Dialogue and Meaningful Reform*, Africa Report No. 201, International Crisis Group, Brussels, 11 April 2013, p. 11.

региону процессы социализации, и новобранцы с легкостью вливались в ряды группировки благодаря уже существовавшей сильной сплоченности, достигнутой совместным участием в боях. Прочные позиции группировки «Ансар-ад-Дин» среди туарегских племен также позволили ей объединить эти мелкие группы, что дало ей преимущество с военной точки зрения.

4.4 ИСТОЧНИКИ ВЛИЯНИЯ, ВЛАСТИ И ЛЕГИТИМНОСТИ

В обоих случаях местные игроки оказали существенное влияние на судьбы «Ансар-ад-Дин» и ДЕДЗА. Однако мощь и власть местных сил менялась, а с ними — и их влияние, и действенность принятых в них правил и общественных норм. В какой-то момент обе вооруженные группы сильно полагались на лидеров местных общин, чтобы добиться господства, но в итоге это привело к совершенно разным результатам. Установление господства — крайне сложный процесс, на который влияют местные исламские традиции, история местных межэтнических конфликтов, борьба за контроль над маршрутами незаконной торговли, слабый контроль со стороны военных и то, как местное сообщество относится к исламской идеологии, проповедуемой джихадистскими группировками. Следовательно, полезно изучить, как три вида сил использовали свои влияние и власть, чтобы воздействовать на ход событий, несмотря на сильное влияние «Аль-Каиды» на риторику и политику двух этих групп.

МЕСТНАЯ ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА

Чтобы вытеснить туарегских сепаратистов и править самим, обе вооруженные группы, хоть и в разной степени, опирались на поддержку местной деловой элиты. В предвоенные годы экономика Гао процветала за счет торговли с соседними странами и инвестиций наркодельцов (один из стремительно развивающихся кварталов города даже называли Кокаинбугу, что в переводе означает «кокаиновый район»). Сепаратистское восстание туарегов поставило под угрозу эти торговые интересы и политическое господство сонгаи. Реагируя на сообщения о массовых грабежах и изнасилованиях, якобы совершавшихся сепаратистами⁵⁵, местная деловая элита, в которой преобладали торговцы-арабы, создала совет для переговоров с занимавшими Гао вооруженными группами⁵⁶. В тот период ни одно вооруженное формирование не обладало безраздельным контролем над городом: каждое из них вело работу с населением, попеременно пуская в ход уговоры, запугивание и преследования, чтобы добиться превосходства. Ожесточенное соперничество групп за поддержку совета общественности и деловых кругов показывает, каким влиянием пользовались эти силы. В конечном итоге разнузданное насилие, которое чинили туарегские сепаратисты, побудило деловую элиту помочь ДЕДЗА финансово и политически, чтобы установить контроль над Гао, обеспечить безопасность предприятий и защитить население. В Кидале значение коммерческих интересов для укрепления контроля группировки «Ансар-ад-Дин» было не столь велико, но они все же сыграли свою роль.

МЕСТНЫЕ ИСЛАМСКИЕ БОГОСЛОВЫ И ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

И «Ансар-ад-Дин», и ДЕДЗА обращались к положениям ислама и предписаниям «Аль-Каиды» (манхаджу), чтобы создать систему управления, регули-

⁵⁵ Human Rights Watch, *Mali: War Crimes by Northern Rebels*, Human Rights Watch, Bamako, 30 April 2012.

⁵⁶ Эта структура, известная как Переговорный совет старейшин, была создана, чтобы доносить сведения о нуждах населения до вооруженных групп, занимавших город.

рующую применение силы против тех, кого они считали врагами, и против некомбатантов. В обоих случаях процесс нормотворчества опирался на священные тексты ислама и другие источники, из которых могут быть выведены определенные правила, то есть на основные источники исламского права (фикха). Однако содержание положений фикха требует толкования в ходе дискуссий и дебатов. В Кидале и Гао этим занимались консультативные советы (шурь). Решения таких советов определяли политику в области управления и правила повседневной жизни для жителей контролируемых этими группами территорий. В Гао подобные прения велись еще и в исламских трибуналах, что давало населению больше возможностей для участия в обсуждении. Существенные различия наблюдались в том, как «Ансар-ад-Дин» (в Кидале) и ДЕДЗА (в Гао) использовали уже существовавшие правовые системы или же расшатывали их.

В Кидале группировка «Ансар-ад-Дин» опиралась на уже существовавшую исламскую правовую систему для толкования правил, регулирующих управление на местах. Эта правовая система включала в себя институт местных шариатских судей (кади), которые по многовековой традиции были выходцами из племени кунта. Их влияние ощутимо сказалось на том, как менялись правила: например, именно эти судьи поддержали решение не применять в Кидале телесные наказания. Проведенные в ходе настоящего исследования интервью позволяют сделать вывод, что относительная в сравнении с ДЕДЗА сдержанность группы во многом объяснялась ее связями с местным населением и умиротворяющими призывами местных кади. Эта сдержанность, однако, ослабевала за пределами Кидала и с течением времени. К тому же «Ансар-ад-Дин» резко изменила свое поведение после того, как французские войска, среди прочего, арестовали предполагаемых сторонников группировки, провели обыски в ее лагерях и ограничили ей доступ к ряду колодцев.

ДЕДЗА, напротив, подрывало действие уже существовавшей в Гао правовой системы. Движение назначило новых судей, что привело к неразберихе и спорам о том, кто же вправе выносить решения. Местные духовные лидеры, ссылаясь на укоренившуюся здесь исламскую традицию, добились некоторых успехов в исправлении «неверного», на их взгляд, применения шариата. Однако, добившись безраздельного контроля, ДЕДЗА ввело собственный свод правил (см. врезку). Споры о толковании правил пресекались, а большая часть полномочий в этих вопросах была передана в руки исламской полиции. Из-за этого периодически вспыхивало недовольство, которое, в свою очередь, беспощадно подавлялось начальником полиции. Местные силы, в том числе кади, практически полностью утратили влияние. И все же непрекращающиеся попытки их запугать или подкупить подсказывают, что ДЕДЗА по-прежнему видело в них угрозу.

САЛАФИТСКО-ДЖИХАДИСТСКИЕ ДУХОВНЫЕ ЛИДЕРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УРОВНЯ

ДЕДЗА и «Ансар-ад-Дин» также находились под влиянием международной сети «Аль-Каида», связующим звеном при этом в основном служило ее региональное отделение «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКСИМ). АКСИМ не командовала этими группами и не контролировала их напрямую, вместо этого она давала им стратегические указания и помогала готовить бойцов. Такое положение дел устраивало все стороны: за счет связи с этими группами АКСИМ укрепляла свое влияние в регионе, а ДЕДЗА и «Ансар-ад-Дин» извлекали выгоду из признания «Аль-Каиды» в регионе и во всем мире. Неустойчивость и переменчивость таких «систем сетей» свидетельствуют о том, что организованные подобным образом отношения носят поли-

тический и стратегический характер, а также подчеркивают ведущую роль, которую играют в принятии решений командиры отдельных подразделений. Более того, о желании всех трех групп сохранить свою самобытность говорит то, что в 2017 г. слиянию они предпочли заключение альянса. Важно, что в подобных случаях влияние часто бывает взаимным: местные группировки, такие как ДЕДЗА и «Ансар-ад-Дин», также могут оказать воздействие на природу, стратегию и руководство головной группы и ее региональных отделений.

Правила ДЕДЗА в Гао

Один из жителей Гао рассказал в интервью, каково было жить под властью ДЕДЗА.

Если кого-то заставляли за курением, его пороли розгами, по удару за каждую выкуренную сигарету: две сигареты — два удара, десять сигарет — десять розог.

Если на картонной коробке была фотография, всю коробку рвали на куски. Изображения, напечатанные на мешках с рисом, приходилось чем-то прикрывать.

Подчиняться надо было беспрекословно: женщины должны были закрывать лицо; по пятницам к первому призыву к молитве магазины уже должны были закрыться; торговать сигаретами и курить строго запрещалось; вора́м отрубали кисть руки; за связь до брака полагалось сто ударов розгами; уличенных в супружеской измене побивали камнями, а бандитам, разбойничавшим на дорогах, отрубали правую кисть и левую стопу.

Этому последнему наказанию подвергли молодых парней из Фафы, района в области Гао, через который идет дорога в Ниамей (Нигер): они промышляли тем, что останавливали следовавшие в Нигер машины и грабили пассажиров.

4.5 ВЫВОДЫ

Как показывают эти примеры, на решения командиров децентрализованных групп могут повлиять местные, региональные и международные игроки. Систематизация источников сдержанности требует понимания всех этих различных видов власти и уровней влияния, а также связей, которые существуют между ключевыми командирами и группами населения, на которые они опираются.

Исследование также говорит о том, что принимать во внимание принципы и мировоззрение участников вооруженных групп может быть полезно. Опыт МККК свидетельствует, что знание истории и идеологических установок вооруженной группы — залог успешного диалога с ней. Ситуация, однако, осложняется тем, что многие группы входят в состав более крупных движений, что предусматривает необходимость согласованного взаимодействия на местном, национальном, региональном и международном уровнях.

Помимо этого, МККК работает с более широким кругом исламских богословов для привлечения внимания к точкам соприкосновения ислама и МГП и обсуждения вызывающих беспокойство вопросов гуманитарного характера. Такой диалог крайне важен для укрепления взаимопонимания, к тому же это обязательное условие для любых усилий, цель которых — повлиять на чье-то поведение. Чтобы этот диалог приносил результаты, его необходимо вести с позиции нейтральности: любые попытки со стороны государств взять его под свой контроль и использовать его для «противодействия воинствующему экстремизму», скорее всего только помешают ему.

ГЛАВА 5

ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЧАСТЬЮ ОБЩИНЫ

5.1 ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Основные характерные признаки вооруженных групп, являющихся частью общины:

- состоят из 10–50 молодых мужчин (а иногда и женщин) из местного сообщества;
- сформированы для защиты местных интересов;
- плоская иерархическая структура; лидеры избираются или назначаются группой и могут часто меняться;
- решение о мобилизации часто принимается не группой, а авторитетными лицами общины (традиционными, религиозными или представляющими правительство);
- сплоченность группы укрепляется с помощью ритуалов посвящения (инициаций) и видимых знаков (шрамов, татуировок, украшений);
- мобилизация носит временный характер: в промежутках между вспышками насилия члены группы возвращаются к обычной жизни в общине; та или иная сторона в конфликте может использовать их в своих целях;
- правила поведения не зафиксированы письменно и отражают местные ценности, обычаи и традиции.

Члены вооруженных групп, являющихся частью общины, — это, как правило, молодые мужчины, которые были посвящены в воины, чтобы защищать интересы своего сообщества в бою (будь то оборона или наступление). Они не остаются все время мобилизованными, как обычная вооруженная группа, а возвращаются между боями к выполнению своих ролей в общине. Поскольку вооруженные группы, являющиеся частью общины, не имеют организационной структуры и ответственного командования, необходимых для того, чтобы считаться вооруженной группой согласно МГП, МККК обращал на них меньше внимания, чем на группы, имеющие такую структуру и командование. Однако рост их числа и гуманитарные последствия вооруженного насилия с их участием требуют более глубокого понимания их норм и влияющих на них факторов.

Большое разнообразие вооруженных групп, являющихся частью общины, затрудняет выделение признаков, которые были бы свойственны им всем: у объединений арбаки в Афганистане, групп вигилантов в северной Нигерии, молодежных банд в Центральной Америке и общинных воинов в горах Новой Гвинеи мало явных общих черт. Вот почему в этой главе будет рассмотрен один тип таких групп — вооруженные группы скотоводов Южного Судана (титвенги, гелвенги и годжамы), чтобы выявить их характерные черты и влияющие на них факторы, что может быть полезным для понимания аналогично организованных групп в других местах⁵⁷.

5.2 НОРМЫ СДЕРЖАННОСТИ В СКОТОВОДЧЕСКИХ ГРУППАХ ЮЖНОГО СУДАНА

Жители Южного Судана, живущие в условиях вооруженного конфликта, который начался в декабре 2013 г., утверждают, что общий уровень насилия, наблюдаемого в последние пять лет, никак не соответствует этическим нормам сдержанности, которые были в ходу до этого. Хотя убийства некомбатантов, включая женщин, детей и гуманитарных работников, случались и раньше, сейчас масштабы и частота сексуального насилия, убийств детей и причинения им увечий, а также разрушения деревень и лечебных учреждений стали беспрецедентными. В этом насилии явно замешаны военизированные скотоводческие группы титвенгов и гелвенгов, принадлежащие к общинам народа динка, и аналогичная группа годжамов — скотоводов из общин народа нуэр (также известная как «Белая армия»).

И у динка, и у нуэров Южного Судана есть кодексы правил, регулирующие поведение во время конфликта, который сопровождается вооруженным насилием⁵⁸. Считалось, что от соблюдения этих кодексов зависит духовная защита, которую дают духи предков или божества. Страх смертоносного осквернения (например, «проказы») у динка и «нуира» (духовного заражения) у нуэров удерживали воюющих от совершения нарушений. Когда нарушения все же происходили, во избежание опасных последствий совершались религиозные обряды, часто с принесением в жертву скота. Кроме того, традиционные суды со времени их создания (они появились сто лет назад) активно разбирали последствия нарушений кодексов поведения на войне. В последние десятилетия эти кодексы стали соблюдаться менее строго, потому что с ними не хотят считаться молодые люди, желающие добиться власти силой огнестрельного оружия, и политики, истолковывающие традиционные системы верований так, как им выгодно. Так, например, в 1990-е гг. один политический лидер утверждал, что те, кто сражается против правительственных сил, не подвергаются таким духовным опас-

⁵⁷ В основе этой главы лежит исследование, проведенное Наоми Пендл в Южном Судане в 2016 и 2017 гг. Не все упомянутые здесь группы действуют в странах, где имеет место вооруженный конфликт.

⁵⁸ См. Francis M. Deng, *Tradition and Modernization: A Challenge for Law among the Dinka of the Sudan*, Yale University Press, New Haven, 1971; Francis M. Deng, *Customary Law in the Modern World: The Crossfire of Sudan's War of Identities*, Routledge, Abingdon, 2010; Edward E. Evans-Pritchard, *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*, Oxford University Press, Oxford, 1940; Sharon E. Hutchinson, *Nuer Dilemmas: Coping with Money, War, and the State*, University of California Press, Berkeley, 1996; Jok Madut Jok and Sharon E. Hutchinson, "Sudan's prolonged second civil war and the militarization of Nuer and Dinka ethnic identities", *African Studies Review*, Vol. 42, No. 2, September 1999, pp. 125–145.

ностям, как воюющие с другими общинами, поэтому сдержанность не нужна. Тот же довод использовался и во время нынешнего конфликта для оправдания нападений на всех, кто поддерживает правительство в Джубе.

Хотя наблюдавшееся в последние пять лет насилие представляется в значительной степени произвольным и беспорядочным (и это впечатление усиливается отсутствием ясно видимой иерархической структуры в сообществе скотоводов), существуют разные уровни власти, которые пытаются поставить его под свой контроль. Влияние на скотоводческие группы постоянно оспаривается и имеет неустойчивый характер, в разных группах оно различно, что делает определение источников влияния в какой-либо конкретный момент очень непростой задачей. Однако очевидно, что военно-политические элиты используют такую видимость неконтролируемого насилия, чтобы уйти от ответственности за вооружение и мобилизацию этих групп и сопротивление призывам обуздать их.

5.3 МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Неустойчивый и оспариваемый характер влияния на группу объясняется мощными процессами социализации молодых мужчин в этих скотоводческих группах: мужчин можно мобилизовать для участия в боях сотнями или даже тысячами⁵⁹, однако они остаются верны своим малым группам, с членами которых вместе провели детство в лагерях скотоводов (вутах), и общине, к которой они принадлежат. Скот имеет первостепенное значение как для обеспечения всем необходимым для жизни, так и для свершения правосудия и у динка, и у нуэров, поэтому скотоводы в общине играют важнейшую роль и пользуются большим уважением. Мальчиков отправляют в лагерь скотоводов в очень раннем возрасте, их социализируют с помощью песен и преданий, из которых они узнают о нормах и рамках допустимого поведения, о духовных и физических опасностях боя. Инициация в возрастные классы или в более широкую категорию взрослых часто включает в себя шрамирование, объединяющее членов скотоводческого лагеря и отмечающее их переход в число защитников общины. В последние несколько лет некоторые скотоводческие группы стали носить «форменную одежду» или как-то иначе отличать себя от других: некоторые группы снимают футболки и повязывают их на руки⁶⁰, другие заказывают специальные футболки. Среди гелвенгов о принадлежности к группе свидетельствуют определенные прически.

Лидеры в этих скотоводческих лагерях назначаются демократически, наверх поднимаются самые популярные. Это создает условия для обсуждений и дискуссий, и лидер может быть заменен в любой момент. Лидер имеет право решать мелкие конфликты, принимать решения о том, куда перегонять скот, и представляет скотоводческий лагерь в отношениях с вождями и правительственными структурами. Самое главное, лидер решает, когда и как группа будет участвовать в вооруженных столкновениях, и участвует в них сам. Однако такие решения принимаются при сильнейшем давлении со стороны различных источников власти.

⁵⁹ Есть сведения о том, что в 2014 г. примерно 4–5 тысяч вооруженных годжаков пошли на город Бор.

⁶⁰ Интервью с титвенгом, взятое на языке динка южносуданским исследователем в городе Гогриаль 15 января 2016 г.; Naomi Pendle, “‘They are now community police’: Negotiating the boundaries and nature of the government in South Sudan through the identity of militarised cattle-keepers”, *International Journal on Minority and Group Rights*, Vol. 22, No. 3, July 2015, pp. 410–434.

Убивают за статус, а не за профессию

Среди некоторых скотоводческих групп отмечается рост числа целенаправленных убийств некомбатантов, особенно образованных людей, получающих заработную плату. Таких людей убивают дома, на работе или в городе. Этому способствует широкая доступность огнестрельного оружия: применение копий требует большего числа участников и поэтому может привести к более масштабному столкновению. Убийства такого рода очень часто мотивируются социоцентрической концепцией правосудия, согласно которой возмездие за содеянное отдельным человеком должна понести группа, к которой он принадлежит. Таким образом, если убивают члена семьи гелвенга, он будет стараться отомстить семье убийцы таким образом, чтобы причинить эквивалентный ущерб, несмотря на невиновность того, кого он хочет убить. Образование и доход от получения заработной платы ценятся высоко, поэтому все чаще жертвами становятся образованные и (или) работающие по найму члены семьи. Поскольку гуманитарный сектор является одним из крупнейших работодателей в Южном Судане, многих гуманитарных работников убивали и убивают — не из-за принадлежности к гуманитарной организации, а из-за их родственных связей.

5.4 ИСТОЧНИКИ ВЛИЯНИЯ И ВЛАСТИ

Борьба за власть идет на местном и национальном уровнях, внутри и вне вооруженных групп, между национальными военными и политическими лидерами, между представителями местных властей, вождями и религиозными лидерами. Все они используют разные источники влияния, включая историю общины, этническую идентичность, культурные нормы и религиозные верования. Власть может меняться с течением времени, различаться от сообщества к сообществу и может быть неочевидной для стороннего наблюдателя. Здесь мы обсудим три источника влияния.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

Народно-освободительная армия Судана (НОАС) вооружала и мобилизовывала скотоводческие группы начиная с 1980-х гг. в ответ на нападения северных вооруженных группировок, пользовавшихся поддержкой Хартума⁶¹. Она открыто пыталась порвать крепкие связи, объединяющие людей из одной общины, установив запрет на возрастные классы среди титвенгов и официально включая скотоводов в состав более крупных военных формирований. Идентичность титвенгов также была переосмыслена, правда, не очень успешно: их сделали «общинной полицией», чтобы поставить их под правительственный контроль⁶². Во время вспышки насилия 2013 г. скотоводов вооружали и мобилизовывали, чтобы они сражались как на стороне правительства, так и против него, часто (но не исключительно) по этническому признаку. НОАС в оппозиции (НОАС-ВО) попыталась организовать годжамов по армейскому принципу, со званиями, эквивалентными званиям НОАС, но вооруженные люди не получили достаточной формальной подготовки, и власть над ними была неустойчивой.

⁶¹ Luka B. D. Kuol, "Dinka youth in civil war: between cattle, community and government", in Victoria Brereton (ed.), *Informal Armies: Community Defence Groups in South Sudan's Civil War*, Saferworld, London, February 2017, pp. 19–26.

⁶² Naomi Pendle, "They Are Now Community Police".

Некоторые военно-политические элиты использовали патронаж, чтобы получить власть над скотоводческими группами. Для защиты собственных больших стад многие создали свои собственные вуты, собрав вместе семьи, которым они доверяли. Они предоставляют боеприпасы, проводят вакцинацию скота и обеспечивают молодых людей услуги здравоохранения и питание, таким образом мотивируя их служить себе. Соответственно, эти могущественные элиты могут повлиять на поведение воюющих, подталкивая их к более активному применению насилия или к большей сдержанности: например, требование увеличить поголовье стада подталкивает к набегам с целью угона скота и вооруженным столкновениям, в то время как в 2009 г. конфликт внутри народа динка между племенами апук и агуок из-за богатых пастбищ был прекращен влиятельным скотовладельцем.

ВОЖДИ

Вожди у динка и нуэров в разной степени контролируют скотоводческие группы своих общин. Можно утверждать, что вожди у нуэров обладают меньшей властью, чем у динка, и на это есть две причины: конкурирующее влияние нуэрских пророков, речь о которых пойдет ниже, и тот факт, что вожди западных нуэров ассоциируются с правительством из-за быстрой смены вождей, которые с 1990-х гг. назначаются государственными властями, пытающимися повлиять на местные дела.

Вожди динка оказывают большое влияние на поведение титвенгов и гелвенгов двумя способами. Во-первых, вожди играют роль посредников между скотоводами и правительственными чиновниками. В этом качестве они могут настоять на своем мнении относительно сделанных запросов. Во-вторых, они председательствуют в традиционных судах, решая, как будет перераспределен скот в ответ на требования о возмещении убытков, и таким образом, официально выносят решения о правильности или неправильности поведения членов общины. Для разрешения споров между скотоводами суды вождей даже сопровождают крупные вуты во время сухого сезона, когда те кочуют на большие расстояния в поисках воды. Так, например, специальный суд вождей был учрежден в 2012 г. близ Румбека, чтобы положить конец набегам гелвенгов друг на друга с целью угона скота, сопровождавшимся гибелью людей. Вынося решения относительно компенсации за убийства во время одного из набегов, вожди назначили гораздо более суровое наказание для тех, кто не сделал предупреждения перед началом набега. Общепринятое правило требует делать такие предупреждения, чтобы женщины, дети и другие некомбатанты успели скрыться⁶³.

БОЖЕСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Люди, наделенные «божественной властью», могут оказывать огромное влияние на скотоводческие группы, подталкивая их к насилию или способствуя сдержанности. За советом к ним обращаются как члены общин, так и высокопоставленные правительственные чиновники; они могут защитить воинов с помощью сложных обрядов перед боем. По этой причине военно-политические элиты использовали в своих целях одну авторитетную нуэрскую пророчицу, которая получила щедрые подношения в виде скота за то, что мобилизовала бойцов-годжаков.

И динка, и нуэры твердо верят, что нарушение определенных норм навлекает на нарушителя «нуир», то есть духовное осквернение. «Бэни-бит» (повелители гарпуна) у динка и пророки и пророчицы у нуэров считаются обладающими властью очищать воинов от нуира с помощью жертвоприношений и

⁶³ Интервью с вождями динка, Каджок, 2012 г.

прошений, обращенных к божествам. Используя такие методы, эти люди могут способствовать соблюдению норм сдержанности. Пророки давно играют важную роль в поддержании морали в общинах западных нуэров⁶⁴. С 1960-х гг. Гатдеанг Дит, пророк бога Денга в нуэрском племени бул, использовал свое влияние, чтобы прекратить вооруженные набеги нуэрских скотоводов на их соседей динка. В это же время могущественный бэни-бит прибеж к угрозе проклятием, чтобы повлиять на поведение скотоводческих групп динка.

Однако власть этих духовных лидеров имеет два слабых места. Во-первых, божество в пророке присутствует не постоянно. Необходимы регулярные эмпирические подтверждения пророческой силы, и многие пророки утратили свой духовный авторитет после того, как не смогли защитить скот от набега. Во-вторых, некоторые воины-годжамы чувствуют себя настолько оскверненными нуиrom, что считают бесполезным сдерживать себя. За три десятилетия войны нуэры разделились между собой настолько, что иногда человек во время боя может быть вынужден сражаться с собственным братом. Постоянно находясь под угрозой нуира, который возникает в таких случаях, многие думают, что их духовное состояние безнадежно, и не видят смысла в соблюдении традиционных норм. Вот как описывает это один из годжамов: «Есть нуэры, которые воюют на стороне правительства, а оно осквернено нуиrom... В этой войне такие нуэры воюют за правительство и убивают людей своего народа. Они ведут себя бесчеловечно, насилуют и пытаются людей своего народа. На них как будто наложили проклятие».

5.5 ОСПАРИВАНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ ОБЩИННЫХ НОРМ

Споры о законности насилия в отношении женщин и детей, которые ведутся в общинах в последние несколько лет, позволяют лучше понять разнообразные верования, влияющие на различные группы, и говорят об их открытости для дискуссии.

Интервью с гелвенгами показали явное нежелание убивать женщин и детей. Детей стыдно убивать, поскольку они слабы и беспомощны, а «материнская» роль и «универсальность» женщин делает их убийство безнравственным (женщины, не будучи элементом патрилинейного рода, могут переходить в другую семью, клан или племя). Гелвенги также хотят избежать возникновения бесконечной кровной вражды, что может случиться, если не проявлять сдержанности. Следует отметить, что нежелание убивать женщин не препятствует сексуальному насилию. В январе 2017 г. один гелвенг рассказал об этом так: «Мы идем ночью. Если нам попадется мужчина, мы его убиваем. Если женщина — мы ее насилуем. Тогда ее муж выйдет биться с нами». В прошлом сдержанности способствовал страх духовного осквернения (рот) того, кто насилует замужнюю женщину: это повышает вероятность гибели в бою. Однако некоторые гелвенги превратно толкуют эту норму, как оправдывающую изнасилования незамужних женщин и часто даже девочек.

Среди титвенгов, напротив, общинные дискуссии относительно законности убийства женщин и детей начались после того, как эта практика появилась в ходе конфликта в 2016–2017 гг. (этого не было в 2005 и 2009 гг. во время распрей между племенами апук и агуок, входящими в состав динка). В ответ на убийство

64. Douglas H. Johnson, *Nuer Prophets: A History of Prophecy from the Upper Nile in the Nineteenth and Twentieth Centuries*, Clarendon Press, Oxford, 1994.

двух детей во время утреннего набега, который совершили титвенги-агуоки, чтобы угнать скот, в ходе нескольких вспышек насилия были убиты несколько женщин и детей. И нуэры, и динка верят, что бессмертие обеспечивается через потомство, поэтому убийство детей (а также женщин, которые детей вынашивают) приводит к окончательной, абсолютной смерти. Политики национального уровня присоединились к дискуссиям в общинах своего происхождения, причем одни выступали за сдержанность, другие — за месть, особенно там, где имели личный интерес в отношении спорных пастбищ. Многие вожди призывали к сдержанности, опасаясь, что продолжающиеся убийства детей не оставят никакой надежды на мир. К сожалению, традиционный суд в ходе соответствующего разбирательства не смог разрешить моральную дилемму, связанную с этими убийствами, и вооруженные столкновения продолжились.

Интервью с годжамами выявили, что у них, как и у гелвенгов, идея убийства женщин и детей вызывала отвращение как нечто безнравственное, при этом женщины также считались «универсальными». В прошлом женщин щадили, поскольку нападающие могли взять их в жены. Однако жестокость набегов 2015 г., во время которых убивали и калечили детей, привела к тому, что лидеры стали считать женщин и детей противостоящей группы не заслуживающими

Творческие подходы к обсуждению норм сдержанности

У некоторых общин Южного Судана частью обряда инициации являются состязания в борьбе. Разговоры о борьбе дают прекрасную возможность познакомить людей с понятиями МГП. Во время занятия по первой помощи со скотоводческой группой сотрудник МККК попросил нескольких молодых людей объяснить ему правила состязания борцов. Когда они закончили, он поинтересовался, кто может быть законным противником для борца, указав на сидевшую рядом старуху и спросив, можно ли вызвать ее на состязание. Как и следовало ожидать, его слова были встречены презрительным смехом. Молодые люди ответили, что женщин, стариков и детей считают слишком слабыми для участия в таком благородном спорте. После этого были проведены параллели с защитой определенных категорий людей согласно правилам ведения вооруженных конфликтов.

сдержанного отношения, так как они принадлежат к стороне правительства. В число «сторонников правительства» были включены все, кто живет в контролируемых правительством гарнизонных городах. Некоторые из нуэрских пророков отвергли такое истолкование обычаев, настаивая на непреложности традиционных верований. Один из них даже превратил свой дом в убежище для детей всех западных нуэров, независимо от политической позиции их родных. Однако споры среди общин годжамов о законности и духовных опасностях таких убийств продолжаются, и как отмечалось выше, многие годжамы чувствуют, что нарушили слишком много табу и уже никогда не очистятся от нуира.

5.6 ВЫВОДЫ

Вооруженные группы, являющиеся частью общины, остаются в составе своих общин и могут быть грозной силой в вооруженном противостоянии. Поэтому местные, региональные и национальные субъекты власти — политической, социальной, религиозной и экономической — могут соперничать за возможность определять, когда и для чего эти группы мобилизуются. Понимание этой конкуренции властей, а также местных верований и традиций, к которым обращаются для оказания влияния на такие группы, имеет важное значение для выявления потенциальных рычагов, позволяющих добиться сдержанности. К их числу относятся местные религиозные и общественные лидеры, чье влияние может быть незаметным для стороннего наблюдателя. Новаторские подходы доказали свою эффективность в утверждении норм сдержанности.

Гуманитарная деятельность, например, вакцинация скота, обучение приемам первой помощи, услуги здравоохранения и воссоединение семей, подразумевает непосредственный контакт между гуманитарными организациями и многочисленными субъектами власти в общинах, которые оказывают влияние на поведение вооруженных групп, являющихся частью общины. Как показано во врезке, эта деятельность дает прекрасную возможность для изучения взглядов местного населения на насилие и сдержанность, а также на то, кто представляет собой законный или незаконный объект нападения. Лучшим источником информации о том, как добиться от этих групп соблюдения норм сдержанности и более гуманного поведения, и лучшими помощниками при анализе такой информации могут быть сотрудники МККК даже с самым низким уровнем образования.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Как показывает настоящий доклад, организационная структура, возможности в области командования и управления, механизмы социализации и подверженность внешнему влиянию сильно разнятся в различных вооруженных силах и вооруженных группах. Из него видно, что модели насилия и сдержанности могут отличаться как при сравнении между различными вооруженными силами и вооруженными группами, так и внутри каждой организации. Исследователи также обнаружили, что число конкурирующих факторов, влияющих на вооруженные группы, возрастает пропорционально децентрализации таких групп и их укорененности в местном населении. Источники влияния могут меняться со временем и в зависимости от обстоятельств. Эти результаты говорят о том, что для определения источников власти, убеждений, традиций и людей, которые подталкивают вооруженную группу к более активному применению насилия или к большей сдержанности, обязательным условием является понимание мельчайших подробностей внутреннего устройства такой группы.

Для того, чтобы МККК смог добиться такого понимания, необходимы усилия самого широкого круга его местных и иностранных сотрудников в самых различных направлениях. Кроме того, анализ вооруженных групп должен перестать быть прерогативой узкой группы экспертов. Диалог с вооруженными силами и вооруженными группами ведут не только бывшие военные или обученные переговорщики: часто с местным населением и вооруженными группами общаются и устанавливают доверительные отношения специалисты широкого профиля или, наоборот, технические специалисты, занимающиеся ремонтом водопровода, вакцинацией скота, раздачей семян, поддержкой мелкого бизнеса, оборудованием медпунктов или передачей посланий Красного Креста. Они должны понимать природу вооруженных групп, с которыми сталкиваются, а также — опираясь на свои знания и опыт — вносить вклад в работу по исследованию этих групп. Руководства по взаимодействию с вооруженными группами в большинстве своем основаны на моделях рационального выбора, определяя точки приложения влияния, исходя из их предполагаемых экономических или политических интересов⁶⁵. Однако выводы, сделанные в настоящем исследовании, свидетельствуют о том, что на поведение также влияют ценности, традиции и идеология, а приемлемое и неприемлемое поведение является предметом общественных дискуссий. Чтобы понять точку зрения и ценности местных жителей, следует начать с более тесного общения с ними.

Выявленные в исследовании расхождения между различными типами вооруженных сил и вооруженных групп говорят о том, что бесполезно подходить к ним всем с одной меркой, желая обеспечить соблюдение гуманитарных норм и принципов. Как мы видим, факторы, влияющие на вооруженные силы и вооруженные группы, зависят от их организационной структуры. Поэтому в данной главе предлагается, так сказать, «схема» для каждой категории вооруженных организаций в зависимости от их организационной структуры. Подобными схемами можно руководствоваться, принимая решение о том, какой подход уместен при взаимодействии с той или иной категорией. Сперва мы хотели бы, однако, рассмотреть общие выводы, которые можно сделать на основании данного исследования, и их значение для МККК и других гуманитарных организаций.

⁶⁵ Gilles Carbonnier, *Humanitarian Economics: War, Disaster and the Global Aid Market*, Hurst, London, 2015, p. 20.

6.1 ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Актуальный на настоящий момент «интегрированный подход» МККК

Исследование показывает, что подход МККК к внедрению норм сдержанности в государственных вооруженных силах и негосударственных вооруженных группах сохраняет свою значимость. В государственных вооруженных силах его эффективность зависит от интенсивности обучения и его адаптации к особенностям слушателей. В централизованных негосударственных вооруженных группах поведение в значительной степени формируется идеологией и ее внедрением посредством всеобъемлющего процесса социализации. Это говорит о том, что остается актуальным подход, принятый (среди прочих подходов) МККК и организацией «Женевский призыв»⁶⁶, — заручиться поддержкой руководства вооруженных групп в вопросе соблюдения гуманитарных норм.

Однако исследователи также обнаружили, что процессы неформальной социализации могут влиять на поведение так же сильно, как формальные механизмы (например, обучение), и следовательно, могут как укреплять, так и подрывать соблюдение МГП. Соответственно, МККК мог бы сделать свой подход более эффективным, глубже исследуя подобные процессы социализации и изучая способы борьбы с неформальными нормами и традициями, которые идут вразрез с формальными правилами (такими, например, как строевые песни, прославляющие сексуальное насилие).

Влияние на поведение децентрализованных вооруженных групп и вооруженных групп, являющихся частью общины

Хотя трудно делать выводы на основании изучения столь малой выборки вооруженных групп, но кажется вполне очевидным, что поведение членов этих групп не является беспорядочным или неконтролируемым, как это часто представляют, что существуют четкие факторы, влияющие на их поведение, и что чем более децентрализована группа, тем более внешними для нее являются эти факторы. Исследования, проведенные в Мали и Южном Судане, указывают на то, что существуют конкурирующие источники власти, стремящиеся контролировать применение насилия на местном, региональном и международном уровнях, и что эти источники меняются со временем и в зависимости от обстоятельств. Это дает больше возможностей для того, чтобы завязать диалог о поведении вооруженной группы, но также ослабляет воздействие на нее каждого из этих источников по отдельности.

Сложный характер альянсов между многими вооруженными группами, появившимися за последнее десятилетие (системы сетей), требует долгосрочного плана по ведению стабильного диалога с теми, кто, как установлено, в данный конкретный момент может повлиять на выбор между насилием и сдержанностью. Опыт МККК говорит о том, что, если заронить в умы членов вооруженной группы сомнения относительно

⁶⁶ Более подробную информацию относительно того, как организация «Женевский призыв» побуждает негосударственные вооруженные группы подписать Акт об обязательствах по соблюдению определенных гуманитарных норм, см. на сайте организации: <https://genevacall.org/how-we-work/deed-of-commitment/>.

но применяемого ими насилия, со временем это сделает их поведение более умеренным. Для применения такого долгосрочного подхода необходима последовательная стратегия и надежная институциональная память, которые будут компенсировать частые изменения в составе сотрудников.

Преимущественная сила юридических доводов

Настоящее исследование и опыт МККК говорят о том, что сосредоточенность исключительно на праве не так эффективно влияет на поведение, как обращение одновременно к праву и к лежащим в его основе ценностям. Это касается вооруженных групп всех типов. Роль права в установлении стандартов жизненно важна, но более прочных результатов в обеспечении сдержанности можно добиться, помогая людям принять и усвоить посредством социализации лежащие в их основе ценности. Как представляется, когда нормы МГП совпадают с внутренне присущим комбатанту представлением о чести, менее вероятно возникновение порочного круга, в котором каждая из сторон продолжает нарушать МГП в ответ на нарушения, совершенные другой стороной. Таким образом, если найти исторические и современные примеры, которые найдут отклик среди членов конкретной организации, это повысит убедительность доводов в пользу сдержанности.

Понимание вооруженных групп

Исследования говорят о том, что в организационной структуре вооруженной группы кроются важные подсказки относительно факторов, влияющих на поведение ее членов. Анализ моделей насилия, применяемого вооруженными силами и вооруженными группами: типа насильственных действий и для каждого типа — их объекта, частоты и используемых методов (см. главу 1) — может, в свою очередь, пролить свет на вопросы командования и управления и помочь определить, когда и каким образом проявляется сдержанность. Отслеживание же проявлений сдержанности ведет к поиску ответа на вопрос о том, что обусловило сдержанность в одной ситуации и ее отсутствие — в другой, возможно, позволяя тем самым лучше понять, какие механизмы здесь задействованы и кто именно воздействует на соответствующие процессы. Проведение различия между насилием, которое является частью «стратегии», и ситуативным «практикуемым» насилием может помочь выбрать надлежащий уровень для того, чтобы завязать диалог.

Более глубокому пониманию организационной структуры вооруженных сил или вооруженной группы могут способствовать ответы на следующие вопросы:

1. Есть ли явные руководители, которые отдают приказы? Как вам кажется, выполняются ли эти приказы?
2. Есть ли внешние признаки иерархической структуры и дисциплины, такие как единая форма одежды, отдавание воинских приветствий, согласованное использование званий по всей организации?
3. Каковы взаимоотношения между группой и местным населением? Пользуется ли она поддержкой (политической, общественной или экономической)?
4. Кто или что является источником влияния на группу (политического, общественного, экономического, духовного или иного)? Каким образом они осуществляют свою власть?
5. Отражают ли действия группы ее идеологию?

6. Каким образом достигается усвоение правил группы, как они подкрепляются (например, с помощью обучения, ритуалов, призывов влиятельных лиц, насильственных действий)?
7. Демонстрируют ли более мелкие подразделения основной группы ритуалы или подходы, идущие вразрез с доктриной группы и ее заявленными целями?

Не каждую вооруженную группу легко поместить на организационную шкалу вооруженных групп, представленную в главе 1. Некоторые из них скорее сродни движениям: у них есть централизованное ядро, которое вдохновляет и направляет децентрализованные подгруппы, в большей или меньшей степени связанные с этим ядром. Анализ подобных альянсов путем изучения каждой входящей в него группы по отдельности помогает понять реальную степень их автономности. На отдельные группы могут, к примеру, влиять различные факторы, что потребует разработки стратегии взаимодействия на местном, национальном, региональном и международном уровнях.

Понимание роли гражданского населения

В нескольких из изученных случаев упоминалось влияние местного населения на поведение вооруженных групп. Гражданские лица, живущие в конкретной местности, — не пассивные объекты: они могут влиять на поведение вооруженной группы, склоняя ее к насилию или сдержанности. В Колумбии сплоченные сообщества с сильными лидерами изобретали стратегии самозащиты, которые ограждали их от вооруженного насилия и дурного обращения. Однако население может и поощрять насилие: и в Колумбии, и в Мали местные жители призывали к насилию против лиц, угрожавших, по их мнению, деловым интересам или считавшихся социально нежелательными элементами.

Более глубокое взаимодействие с населением может способствовать пониманию механизмов сдержанности. Осуществление гуманитарной деятельности дает множество возможностей для обсуждения с местными жителями присущих им норм сдержанности (см. пример, касающийся состязаний в борьбе в главе 5). Однако, стремясь поддержать инициативы населения, которое пытается самостоятельно защитить себя, гуманитарные организации должны помнить о возможных последствиях своих действий. Вмешательство со стороны может изменить и даже подорвать идущие в сообществе процессы; гуманитарные проекты могут привлечь негативное внимание вооруженных групп; помощь в создании общественных групп и поддержка их действий, по сути, представляет собой политическую деятельность, которая может отрицательно сказаться на восприятии нейтральности соответствующей организации.

Доверие как необходимое условие для взаимодействия

Способность гуманитарных организаций взаимодействовать с вооруженными силами и вооруженными группами (и пытаться повлиять на их поведение) в значительной степени зависит от того, насколько окружающие доверяют целям и действиям организации. Маловероятно, что командиры согласятся встречаться с представителями организации, которой они не доверяют, — не говоря уже о том, чтобы слушать их. Рационалисты могут доказывать, что перспектива получения товаров и услуг в регионах, находящихся под контролем вооруженной группы, и ее потенциальная легитимизация вследствие взаимодействия с гуманитар-

ными организациями перевесят соображения доверия⁶⁷. Возможно, так и было для многих вооруженных групп в течение двух десятилетий после окончания холодной войны. Однако сократившийся за последнее десятилетие доступ гуманитарных организаций в районы, контролируемые негосударственными вооруженными группами (и некоторыми правительствами), из-за отсутствия «гарантий» безопасности и (или) нежелания видеть там «западные» гуманитарные организации свидетельствует о том, что ситуация изменилась.

Важность доверия нашла яркое отражение в опросе, проведенном в рамках данного проекта среди сотрудников МККК, которые взаимодействуют с негосударственными вооруженными группами. Респондентов спрашивали, какие факторы, по их мнению, в наибольшей степени влияют на признание гуманитарной деятельности МККК в районах, контролируемых негосударственными вооруженными группами. В 51% ответов упоминалось доверие к принципам и методам работы организации (таким как нейтральность, независимость, конфиденциальность и предсказуемость), и лишь в 21% говорилось о выгоде, которую пытаются получить негосударственные вооруженные группы (например, о товарах и услугах для жителей данной местности, о легитимизации группы, о медицинском снабжении и обучении членов группы приемам первой помощи). Как подчеркивали респонденты, вооруженные группы настойчиво предупреждают МККК, что следят за тем, соответствуют ли действия организации ее заявлениям — не только на местном уровне, но и в других странах. Это свидетельствует о том, что МККК необходимо еще более последовательно и планомерно поддерживать свою репутацию достойной доверия гуманитарной организации как в реальной жизни, так и в цифровом пространстве.

6.2 СХЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В приведенных ниже схемах взаимодействия обобщены основные данные, полученные в ходе исследования о каждой из этих категорий вооруженных сил или вооруженных групп, анализ этих данных и вопросы, которые мы должны задавать себе, разрабатывая рекомендации по взаимодействию с ними. Они могут служить отправной точкой для анализа вооруженных групп, что не отменяет тщательного изучения конкретных особенностей каждой из них с учетом обстановки, в которой они действуют.

⁶⁷ О различных выгодах, которые вооруженные группы могут извлечь из гуманитарной деятельности см.: Fiona Terry, *Condemned to Repeat? The Paradox of Humanitarian Action*, Cornell University Press, Ithaca and London, 2002.

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ (глава 2)

ОСОБЕННОСТИ

- Строгая иерархия порядка подчиненности и принятия решений
- Кодифицированные, имеющие конкретные внешние проявления и последовательно применяемые правила
- Внешние признаки наличия дисциплины (принадлежность к определенной структуре демонстрирует ношение формы, отдавание воинских приветствий, распорядок дня)
- Дистанцирование от гражданской сферы жизни при выполнении служебных обязанностей

ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ И СДЕРЖАННОСТИ

- Высший командный состав
- Младший офицерский состав, сержанты и старшины
- Руководящие документы ВС, постоянный порядок действий, правила применения силы и неформальные нормы и ценности
- Угроза наказания

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

- Формальное обучение, иерархическая структура и дисциплина
- Неформальные ценности и ритуалы (например, дедовщина, строевые песни)

АНАЛИЗ

Интенсивность обучения МГП (частота занятий, методы) влияет на поведение на поле боя. Слушатели должны доверять инструктору — его опыту или специальным знаниям.

Эффективность обучения лучше всего проверяется в условиях, приближенных к боевым.

Нормы сдержанности должны закреплять в критические моменты непосредственный начальник.

Процессы неформальной социализации могут как подкреплять, так и подрывать формальную социализацию.

Более вероятно, что нормы сдержанности сохранят свою силу, когда они полностью усвоены и стали частью личности солдата: не только потому, что это «против правил», но и потому что «мы не такие».

ВОПРОСЫ

Какие события, легенды, личности и ценности определяют самоидентичность (особый образ) данных вооруженных сил? Как они формируют процессы формальной и неформальной социализации?

Насколько сильно влияние младшего офицерского и сержантского состава на поведение и взгляды членов подразделения?

К каким пересекающимся группам (например, религиозным или национальным) принадлежат члены данных вооруженных сил? Дает ли принадлежность к этим группам иные возможности для разговора о сдержанности?

Ослабевают ли механизмы контроля при удалении от центрального командования? Как это сказывается на поведении?

Какими характеристиками должен обладать инструктор, чтобы пользоваться доверием именно этих слушателей?

РЕКОМЕНДАЦИИ

Предоставлять рекомендации и содействовать интеграции норм МГП в национальное законодательство и руководящие документы на всех уровнях.

Помогать в разработке учебных программ в области МГП, адаптированных к аудитории. Подбирать примеры, которые найдут отклик среди слушателей. Рекомендовать проверку результатов обучения в стрессовых условиях.

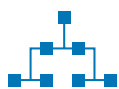
Содействовать усвоению ценностей, связанных с МГП, поддерживая интеграцию его норм в организационную культуру.

Выявлять модели насилия, следить за их изменениями и фиксировать проявления сдержанности. Исследовать факторы, влияющие на сдержанность. Проводить различие между насилием в качестве стратегии и ситуационным «практикуемым» насилием.

Призывать государства, входящие в альянсы с другими государствами и негосударственными силами, принимать меры к тому, чтобы их союзники обеспечивали усвоение норм сдержанности своими военнослужащими или членами боевых подразделений.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ (глава 3)

ОСОБЕННОСТИ

- Руководство осуществляет жесткое командование и контроль над подчиненными посредством строгой иерархии, однако механизмы контроля могут быть слабыми
- Имеется четко определенная доктрина или идеология, которая задает цели, образ действия и картину мира
- Внешние признаки наличия дисциплины (принадлежность к определенной структуре демонстрирует ношение формы, отдавание воинских приветствий, распорядок дня)
- Обособленность от гражданского населения (проживание в лагерях или казармах)

ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ И СДЕРЖАННОСТИ

- Высшее руководство и командиры подразделений
- Идеологи группы и кодексы поведения
- Идеология, кодексы поведения, дисциплина
- Угроза наказания

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

- Режим погружения (например, контроль над всеми аспектами повседневной жизни)
- Ритуалы инициации и неформальные узы

АНАЛИЗ

Группы придерживаются детально разработанной доктрины или идеологии, которая определяет их цели. Они регулярно распространяют свои идеи и ценности среди широкой общественности с помощью средств массовой информации.

Правила определяют параметры допустимого насилия и объекты, против которых оно может применяться.

Низкая способность контролировать поведение боевых подразделений дает командирам подразделений определенный простор в толковании того, как следует понимать и применять нормы.

Верность группе обеспечивается посредством интенсивного процесса социализации, который призван изменить саму личность членов группы.

ВОПРОСЫ

Какова идеология группы? Что говорится в ее кодексе поведения о насилии и сдержанности? Есть ли совпадения с МГП?

Кто формулирует или толкует доктрину/идеологию группы?

Как обеспечивается усвоение членами группы ее установок и правил?

Существуют ли вариации в моделях насилия различных подразделений одной группы? Что это говорит о командовании и управлении?

Каковы взаимоотношения между вооруженной группой и местным населением? Могут ли местные сообщества сопротивляться вовлечению в конфликт?

Какими характеристиками должен обладать инструктор, чтобы пользоваться доверием именно этих слушателей?

РЕКОМЕНДАЦИИ

Выявлять модели насилия, следить за их изменениями и фиксировать проявления сдержанности. Исследовать факторы, влияющие на сдержанность. Проводить различие между насилием в качестве стратегии и ситуационным «практикуемым» насилием.

Обсуждать параллели между доктриной группы и нормами МГП, стремясь найти пути дальнейшего сближения.

Обсуждать с руководством любые расхождения между правилами и наблюдаемыми действиями. Давать рекомендации относительно сомнительных моментов, которые позволяют толковать нормы по-разному.

Обсуждать с руководством неформальные нормы, которые могут подрывать формальные правила, а также действенность механизмов контроля.

Обсуждать с местным населением пути его взаимодействия с вооруженной группой и возможности самозащиты от насилия и вербовки.

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ (глава 4)

ОСОБЕННОСТИ

- Неустойчивый состав альянсов небольших вооруженных групп
- Командиры отдельных групп сохраняют полномочия по принятию решений в отношении членов своей группы
- Отдельные подразделения могут откалываться от альянса, чтобы присоединиться к другому объединению, без ущерба для сплоченности группы
- Множество децентрализованных групп может действовать в рамках более масштабного движения, распространяя свое влияние на определенную местность, регион или на весь мир
- Слабая согласованность действий внутри альянса, в том числе в отношении подготовки и проведения военных операций
- Внешние признаки военной дисциплины немногочисленны

ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ И СДЕРЖАННОСТИ

- Командиры подразделений
- Местная деловая или культурная элита, религиозные лидеры
- Высшее руководство
- Идеологические и религиозные тексты
- Угроза наказания

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

- Чрезвычайно разнообразны
- Могут опираться на местную культуру и обычаи
- Могут включать в себя военную или идеологическую подготовку
- Интенсивный процесс социализации в группе равных

АНАЛИЗ

Чем более децентрализована вооруженная группа, тем больше на ее поведение влияют внешние факторы.

Поведение отдельного подразделения сильно зависит от предпочтений его командира.

Группы интегрированы в местные общественные отношения (например, опираются на местные сообщества и местных лидеров) и могут сохранять связи с региональными или международными вооруженными группами.

Воздействие местных сил на поведение вооруженной группы меняется с течением времени и в зависимости от обстоятельств.

Ценности и правила группы могут способствовать сдержанности даже в отсутствие системы контроля.

ВОПРОСЫ

Каким образом скомпонован альянс вооруженных групп? Какова природа взаимоотношений между руководителями более мелких групп и руководством альянса?

Каковы взаимоотношения между вооруженной группой и местным населением? Пользуются ли влиянием на поведение вооруженной группы общественные/духовные лидеры или деловая элита?

Использует ли группа процессы социализации, основанные на местных обычаях и традициях (например, обряды инициации)?

Как и почему меняется со временем влияние ключевых фигур на вооруженную группу? На чем основано это влияние (например, на религии, финансах, политической власти или авторитете в обществе)?

Каковы традиционные нормы, касающиеся ведения войны? Какие параллели можно найти в МГП?

РЕКОМЕНДАЦИИ

Выявлять модели насилия, следить за их изменениями и фиксировать проявления сдержанности. Исследовать факторы, влияющие на сдержанность. Проводить различие между насилием в качестве стратегии и ситуационным «практикуемым» насилием.

Уделять первостепенное внимание диалогу с местными командирами, которые могут регулярно меняться.

Обрести всестороннее понимание самых важных факторов, влияющих на поведение вооруженной группы, отмечая, на чем основано их влияние.

Стратегии взаимодействия должны отражать структуру альянса; взаимодействие должно происходить на местном, национальном, региональном и международном уровнях.

Все слова и поступки представителей МККК должны быть последовательными, предсказуемыми и понятными.

ВООРУЖЕННЫЕ ГРУППЫ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЧАСТЬЮ ОБЩИНЫ (глава 5)

ОСОБЕННОСТИ

- Состоят из 10–50 молодых мужчин (а иногда и женщин) из местного сообщества
- Сформированы для защиты местных интересов
- Плоская иерархическая структура
- Мобилизуются для сражения местными лидерами или политиками
- Сплоченность группы укрепляется с помощью ритуалов инициации
- Мобилизация носит временный характер
- Правила поведения не зафиксированы письменно и отражают местные ценности, обычаи и традиции

ИСТОЧНИКИ ВЛАСТИ И СДЕРЖАННОСТИ

- Традиционные лидеры
- Местные политики
- Местные духовные лидеры
- Местная деловая элита
- Лидеры молодежных боевых групп
- Нормы и ценности общины
- Общественные дискуссии относительно толкования норм

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

- Местные ритуалы инициации
- Местные религиозные и традиционные обряды

АНАЛИЗ

Члены группы не остаются мобилизованными, а возвращаются к своим ролям в местном сообществе.

Группы, являющиеся частью общины, не всегда могут выбирать, когда, где и каким образом они участвуют в боевых действиях.

Местные, региональные и международные игроки могут соперничать за влияние на такие группы и контроль над ними.

Традиционные нормы, регулирующие насилие и сдержанность, могут становиться предметом общественных дискуссий.

За видимостью беспорядочности, неконтролируемости насилия, к которому прибегают такие группы, могут скрываться те, кто на самом деле их контролирует.

ВОПРОСЫ

Каким образом вооруженные группы, являющиеся частью общины, вписаны в соответствующее сообщество?

Как в группе появляются лидеры? На чем основана их власть? Какова степень их непосредственного влияния на группу?

Кто влияет на то, когда и как группа участвует в боевых действиях?

Каковы традиционные нормы, касающиеся ведения войны? Какие параллели можно найти в МГП?

Каким образом МККК взаимодействует с членами группы, когда они выступают в своей обычной роли в рамках общины? Как мы можем использовать это взаимодействие для косвенного обсуждения поведения во время вооруженного конфликта?

РЕКОМЕНДАЦИИ

Выявлять модели насилия, следить за их изменениями и фиксировать проявления сдержанности. Исследовать факторы, влияющие на сдержанность. Проводить различие между насилием в качестве стратегии и ситуационным «практикуемым» насилием.

Обрести более глубокое понимание отношений групп, являющихся частью общины, с различными местными и национальными авторитетами.

Пропагандировать сдержанность, ссылаясь на нормы общины, обычное право или другие правовые режимы (например, МГП и исламское право).

Использовать разносторонние подходы при взаимодействии с местным населением и для того, чтобы лучше его понять.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Ад-Давуди, Ахмад. «МГП и исламское право войны», 23 мая 2017 г.: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-i-islamskoe-pravo-voyny>.

Abu Hanieh, Hassan and Abu Rumman, Mohammad, *The “Islamic State” Organization: The Sunni Crisis and the Struggle of Global Jihadism*, Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq, Amman, 2015.

Atran, Scott, *Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood and the (Un)making of Terrorists*, Ecco – An imprint of Harper Collins, New York, 2010.

Bangerter, Olivier, “The ICRC and Non-State Armed Groups”, *Exploring Criteria & Conditions for Engaging Armed Non-State Actors to Respect Humanitarian Law & Human Rights Law*, Conference Report, Geneva Call, Geneva, June 2007.

Bell, Andrew M., “Military Culture and Restraint Toward Civilians in War: Examining the Ugandan Civil wars”, *Security Studies*, Vol. 25, No. 3, 2016, pp. 488–518.

Bongard, Pascal and Somer, Jonathan, “Monitoring non-State actor compliance with humanitarian norms: A look at international mechanisms and the Geneva Call Deed of Commitment”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 883, September 2011, pp. 673–706.

Bourke, Joanna, *An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in Twentieth Century Warfare*, Granta Books, London, 1999.

Chirot, Daniel and McCauley, Clark, *Why Not Kill them All? The Logic and Prevention of Mass Political Murder*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2006.

Dickinson, Laura A., “Military lawyers on the battlefield: An empirical account of international law compliance”, *American Journal of International Law*, Vol. 104, No. 1, 2010, pp. 1–28.

Geneva Academy, *Reaction to Norms: Armed Groups and the Protection of Civilians*, Policy Briefing No. 1, Geneva, January 2014.

Gutiérrez Sanín, Francisco and Giustozzi, Antonio, “Networks and armies: Structuring rebellion in Colombia and Afghanistan”, *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 33, 2010, pp. 836–853.

Gutiérrez Sanín, Francisco and Wood, Elisabeth J., “Ideology in civil war: Instrumental adoption and beyond”, *Journal of Peace Research*, Vol. 51, No. 2, 2014, pp. 213–226.

Gutiérrez Sanín, Francisco and Wood, Elisabeth J., “What should we mean by ‘pattern of political violence’? Repertoire, targeting, frequency, and technique”, *Perspectives on Politics*, Vol. 15, No. 1, March 2017, pp. 20–41.

Hoover Green, Amelia, "Learning Restraint: The Role of Political Education in Armed Group Behavior Toward Civilians", *Simons Papers in Security and Development*, No. 30, School for International Studies, Simon Fraser University, Vancouver, December 2013.

Hoover Green, Amelia, "The commander's dilemma: Creating and controlling armed group violence", *Journal of Peace Research*, Vol. 53, No. 5, September 2016, pp. 619–632.

Humphreys, Macarten and Weinstein, Jeremy M., "Handling and Manhandling Civilians in Civil War", *American Political Science Review*, Vol. 100, No. 3, August 2006, pp. 429–447.

ICRC, "Spared from the Spear: Traditional Somali Behaviour in Warfare", ICRC Somalia Delegation, Nairobi, February 1998: <http://blogs.icrc.org/somalia/2015/09/21/spared-from-the-spear/>

International Crisis Group, *Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State*, Special Report No. 1/Jihad in Modern Conflict, 14 March 2016: <https://www.crisisgroup.org/global/exploiting-disorder-al-qaeda-and-islamic-state>

Jackson, Ashley, "Talking to the Other Side: Humanitarian Engagement with armed non-State actors", *HPG Policy Brief*, No. 47, ODI, London, June 2012.

Jo, Hyeran, *Compliant Rebels: Rebel Groups and International Law in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015.

Jowell, Marco, "Cohesion through socialization: Liberation, tradition and modernity in the forging of the Rwanda Defence Force (RDF)", *Journal of East African Studies*, Vol. 8, No. 2, 2014, pp. 278–293.

Kalyvas, Stathis N., *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006.

Kaplan, Oliver, "Nudging armed groups: How civilians transmit norms of protection", *Stability: International Journal of Security & Development*, Vol. 2, No. 3, 2013, pp. 1–18.

Maher, Shiraz, *Salafi-Jihadism: The History of an Idea*, Oxford University Press, Oxford, 2016.

Manekin, Deborah, "Violence against civilians in the Second Intifada: The moderating effect of armed group structure on opportunistic violence", *Comparative Political Studies*, Vol. 46, No. 10, October 2013, pp. 1273–1300.

Marks, Zoe, "Sexual violence inside rebellion: Policies and perspectives of the Revolutionary United Front of Sierra Leone", *Civil Wars*, Vol. 15, No. 3, 2013, pp. 359–379.

Meijer, Roel (ed.), *Global Salafism: Islam's New Religious Movement*, Columbia University Press, New York, 2009.

Mitton, Kieran, *Rebels in a Rotten State: Understanding Atrocity in the Sierra Leone Civil War*, Oxford University Press, Oxford and New York, 2015.

Oppenheim, Ben and Weintraub, Michael, "Doctrine and violence: The impact of combatant training on civilian killings", *Terrorism and Political Violence*, Vol. 29, No. 6, 2017, pp. 1126–1148.

Parkinson, Sarah Elizabeth, "Organizing rebellion: Rethinking high-risk mobilization and social networks in war", *American Political Science Review*, Vol. 107, No. 3, August 2013, pp. 418–432.

Ron, James, "Savage restraint: Israel, Palestine and the dialectics of legal repression", *Social Problems*, Vol. 47, No. 4, November 2000, pp. 445–472.

Shapiro, Jacob N., *The Terrorist's Dilemma: Managing Violent Covert Organizations*, Princeton University Press, New Jersey, 2013.

Siebold, Guy L., "The Essence of Military Group Cohesion", *Armed Forces & Society*, Vol. 33, No. 2, 2007, pp. 286–295.

Sinno, Abdulkader H., *Organizations at War in Afghanistan and Beyond*, Cornell University Press, Ithaca and London, 2008.

Slim, Hugo, *Killing Civilians: Method, Madness and Morality in War*, Columbia University Press, New York, 2008.

Staniland, Paul, *Networks of Rebellion: Explaining Insurgent Cohesion and Collapse*, Cornell University Press, Ithaca and London, 2014.

Stanton, Jessica A., *Violence and Restraint in Civil War: Civilian Targeting in the Shadow of International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016.

Straus, Scott, "Retreating from the Brink: Theorizing Mass Violence and the Dynamics of Restraint", *Perspectives on Politics*, Vol. 10, No. 2, June 2012, pp. 343–362.

Straus, Scott, *Making and Unmaking Nations: War, Leadership, and Genocide in Modern Africa*, Cornell University Press, Ithaca and London, 2015.

Weinstein, Jeremy, *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006.

Wood, Elisabeth J., "Armed groups and sexual violence: When is wartime rape rare?", *Politics & Society*, Vol. 37, No. 1, March 2009, pp. 131–161.

Тематические выпуски Международного журнала Красного Креста, представляющие особый интерес в рамках данного доклада

Гаджиоли, Глория. Сексуальное насилие в ситуации вооруженного конфликта: нарушение международного гуманитарного права и права прав человека // Международный журнал Красного Креста. Выдержка из № 894, Т. 96.

Engaging armed groups, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 883, September 2011.

Generating respect for the law, *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, No. 895/896, Autumn/Winter 2014.

Socialization and violence, *Journal of Peace Research*, Vol. 54, No. 5, September 2017.

Understanding armed groups and the applicable law, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 882, June 2011.

War in cities, *International Review of the Red Cross*, Vol. 98, No. 901, April 2016.

Мы помогаем людям, пострадавшим от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия по всему миру, делая все возможное, чтобы защитить их жизнь и достоинство и облегчить их страдания, часто в сотрудничестве с нашими партнерами по Движению Красного Креста и Красного Полумесяца. Пропагандируя и укрепляя гуманитарное право, отстаивая универсальные гуманитарные принципы, мы стремимся предотвратить страдания людей.

Люди знают, что могут рассчитывать на нас: мы осуществляем самые разные виды деятельности, спасая жизни в зонах конфликтов, и тесно сотрудничаем с местным населением с тем, чтобы понимать и удовлетворять его потребности. Наш опыт и знания позволяют нам реагировать быстро и эффективно, не отдавая предпочтения ни одной из сторон.

 facebook.com/ICRCRu

 twitter.com/MKKK

 vk.com/icrc_rus

МККК

Международный Комитет Красного Креста

19, avenue de la Paix
1202 Женева, Швейцария
Т +41 22 734 60 01
shop.icrc.org
© МККК, февраль 2019 г.

Оригинал на английском языке.

Русская версия подготовлена Региональной делегацией МККК в России, Беларуси и Молдове.
13, стр. 1, Грохольский пер., 129090, Москва, РФ
Т +7 495 626 54 26 www.icrc.org/ru